

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ОХОТА НА ВАМПИРОВ

Елена Топильская

Любимый детектив

Елена Топильская

Охота на вампиров

«ВЕЧЕ»

2018

Топильская Е. В.

Охота на вампиров / Е. В. Топильская — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7171-1

Роман «Охота на вампиров» известного петербургского мастера детективной прозы и сценариста первых восьми сезонов популярного телесериала «Тайны следствия» Елены Валентиновны Топильской погружает нас в атмосферу начала 2000-х. Следователь Мария Швецова уже привыкла к делам об организованной преступности и о маньяках. Но на труп, в сердце которого вбит осиновый кол, ей приходится выезжать впервые. А в морге ждут вскрытия обескровленные покойники, и по коридорам расхаживает санитар, убитый год назад. Неужели в Питере орудуют вампиры?... Представлены также рассказы о наиболее интересных случаях из следственной практики автора.

ISBN 978-5-4484-7171-1

© Топильская Е. В., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Охота на вампиров	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Валентиновна Топильская

Охота на вампиров

© Топильская Е.В., 2018

© ООО «Издательство „Вече“», 2018

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2018

Охота на вампиров

Когда я была маленькой, по утрам меня будили шорохи дворницкой метлы; летом дворники подметали пыль, осенью смахивали в кучи облетевшие листья, а зимой скребли лопатами снег. И в школу я шла по чистым тротуарам...

Как все изменилось с тех пор! Из дома можно выйти, только перепрыгнув огромную лужу за порогом, остатки золотой осени разъезжаются под ногами, и я пару раз чуть не упала, поскользнувшись на прелых листьях. Окурки и пустые банки из-под пива валяются во дворе, как на дне гигантской урны, чуть ли не с прошлой зимы, и для полноты ощущений мне не хватало только упасть вниз головой в канаву, вырытую для ремонта канализационных труб. В канаве вяло копошились два молодца в ватниках, в голос обсуждая окружающую действительность, и я, заглядевшись на них, ступила свежеччищенным сапогом в мазутное пятно (надеюсь, что в мазутное, а не хуже).

На черной коже сапога черный мазут в глаза не бросался; и только войдя в метро, я почувствовала, как мерзко несет от моих сапог, да еще и обнаружила, что оставляю на мраморном полу вестибюля станции черные следы и на меня оглядываются другие пассажиры. Настроение на весь день было испорчено; но не на шефа же было мне кричать, поэтому первым пострадал друг и коллега Горчаков – именно на него я спустила собак, только войдя в прокуратуру. Завидев меня в окно, Лешка опрометчиво вышел из кабинета и прохаживался по абсолютно пустому коридору, по всей видимости, ожидая приглашения на чай. Вместо приглашения я рывкнула ему что-то оскорбительное, но Горчаков только глазами моргал, понимая, что возражать мне – дело дохлое, лучше постараться расслабиться, а удовольствие получить потом, когда я начну раскаиваться в содеянном.

Он еще имел наглость ноздрями дернуть, приняхавшись ко мне; по лицу было видно, что он пытается определить, какая часть моего тела так смердит, и это моего настроения не улучшило.

– Ну что ты встал посреди дороги! Дай пройти, – я невежливо отпихнула Горчакова, и он крутанулся вслед за мной. Я гордо прошла мимо него по коридору шириной с проезжую часть; на самом деле Лешка не помешал бы мне, даже если бы я ехала на тракторе.

– Что это? – он пошел за мной, как на веревочке.

– Не видишь – в мазут вляпалась, – сварливо заявила я, сунув свой сапог ему под самый нос. Горчаков терпеливо поморщился.

– Ты думаешь, это мазут? – задумчиво спросил он, склонившись к моей ноге.

– А ты думаешь, это клубничный сироп? – я снова дернула ногой, и Горчаков инстинктивно замер.

– Я думал, ты с происшествия. И что это – кровь. Только почему так шмонит?

– А что, я сегодня дежурю? – я задумалась. Горчаков смиренно ждал, покачивая головой из стороны в сторону. Очень кстати из канцелярии вышла Зоя и прояснила ситуацию, подтвердив, что я действительно сегодня дежурю. Только этого мне не хватало. Воспользовавшись паузой, Горчаков проворно заперся у себя в кабинете и затаился, не отзываясь на деликатный стук моей запачканной в мазуте ноги. Ну и пожалуйста. Я ушла к себе, сбросила вонючие сапоги, заперлась изнутри и достала из сейфа дело на сроке. Вчера я сгоряча дала прокурору честное слово, что сдам обвинительное не через неделю после истечения срока по делу, как обычно, а день в день. Время «икс» наступало завтра.

За компьютер я села, ненавидя себя, дело, прокурора, рабочих. И, стуча по клавишам, мрачно думала, что канавы и рабочие тут в общем-то ни при чем. Подумаешь, сапоги; настроение у меня плохое из-за того, что с раннего утра вдрызг разругалась с ребенком. Накануне он

до часу ночи играл в «Плейстейшен», силком утащить его в кровать я не могла, меры убеждения исчерпала, орать на него ночью не решилась по причине тотальной слышимости в доме.

Поэтому, давась справедливым негодованием, просто легла спать, а уж с утра отыгралась на Хрюндике. Беда была в том, что я-то, проснувшись утром, еще бурлила, а он уже забыл, из-за чего сыр-бор. И несказанно удивился, когда в неурочный час услышал мои претензии относительно бардака в комнате, несобранного ранца, незаполненного дневника (я даже дневник ухитрилась проверить, тратя драгоценные утренние мгновения), а также чавканья во время приема пищи, сутулой спины и грязных ушей, хотя последнее было неприкрытой напраслиной: в ванной ребенок теперь проводит гораздо больше времени, чем за уроками, вступивши в пору полового созревания.

В школу он ушел, надувшись на меня. Я его понимала: как бы там ни было, а орать и топтать ногами – это не метод. Но, когда я наталкивалась на его тупое подростковое упрямство, со мной творилось что-то необъяснимое; я помимо своей воли начинала орать и ругаться, отчетливо сознавая, что поступаю неправильно, а остановиться не могла. В общем, мы друга друга стоили.

За обвинительным я присидела до вечера, и никто меня не побеспокоил. Видимо, преступный мир тоже затаился в трепете. В шесть часов в мою дверь по дороге домой заскребся Горчаков.

– Машка, ты идешь? – поканючил он, но, не дождавшись ответа, ушел без меня. Зато с Зоей.

Ну и пожалуйста. Я снова уткнулась в осточертевшие страницы дела. Но через полчаса в мою дверь заскребся уже прокурор, его тяжелые шаги по скрипящим половицам трудно не узнать.

– Мария Сергеевна, вы сегодня дежурите, – сообщил он через дверь, даже не спрашивая, на месте ли я. – И между прочим, у нас труп. Полчаса назад нашли рабочие в канаве.

– В канаве? – переспросила я, поворачивая ключ в замке. Шеф стоял под дверью со своим обычным невозмутимым видом. – Владимир Иванович, а я-то тут при чем? С шести часов заступил дежурный по городу.

Шеф продолжал смотреть куда-то за мою спину, терпеливо пережидая протокольную часть. Мы оба знали назубок, какие реплики подавать, и он исправно, только без энтузиазма, участвовал в вялой перебранке на тему «а почему я?» – «а потому что надо думать не только о себе, но и о районе». Мы оба также знали, чем перебранка кончится. Тем она и кончилась.

– Машина из РУВД уже вышла, – резюмировал прокурор, поворачиваясь ко мне спиной.

Как только он ушел, я осознала, что даже не поинтересовалась, что делал труп в канаве. Может, снова захоронение времен войны? Горчакову тут на днях повезло несказанно стараниями нашего убойного отдела. Он тоже выехал на труп в канаве, вернее, на останки в виде горсточка костей и пробитого пулей черепа, – рабочие раскопали котлован глубиной около трех метров и нашли россыпь костей; так наш начальник убойного Костя Мигулько прямо-таки костями лег, извините за каламбур, чтобы доказать прокурору и своим начальникам из ГУВД, что это не вульгарный огнестрел с последующей расчлененкой и закапыванием трупа, а тяжелое наследие военного времени. Он два дня стоял над душой у экспертов, до тех пор пока те не дали заключение, что череп пробит пулей калибра 7,62 мм, скорее всего, из пистолета-пулемета Шпагина, а сам скелет пролежал в земле не менее десяти лет; правда, не более пятидесяти, но это было написано мелким шрифтом.

И Мигулько с чистой совестью списал это убийство на Гитлера, невзирая на отсутствие достоверной информации об уличных боях в центре города. А Горчаков, радостно повизгивая, отказал в возбуждении уголовного дела, стараясь не думать о том, что калибр 7,62 мм подходит и к пистолету ТТ, а не только к ППШ военных времен, а пятьдесят лет назад были как раз не сороковые, а пятидесятые.

Но две жертвы уличных боев подряд – это слишком; мне так не повезет. Настроение испортилось снова, я поставила себе еще один минус, за то, что не спросила у шефа, далеко ли канава. Шеф удалялся; поглядывая ему вслед через открытую дверь, я присела на корточки и взяла в руки пострадавший сапог.

Даже и не буду пытаться оттереть пятна, обувь придется выкидывать. Новые сапоги – это ползарплаты. И тут шеф обернулся и назвал адрес, из которого я поняла, что сапоги выкидывать рано. Канава имелась в виду та самая. Перед тем как надеть сапоги, я попыталась рассмотреть мерзкие пятна и в первый раз усомнилась в том, что все пятна – технического происхождения. Лешка был не так уж не прав, кое-какие следы похожи на кровь.

Осознав, что отыгрываться придется на экспертах, я оделась, откопала в залежах бумаг дежурную папку и спустилась вниз. Машина уже ждала, водитель был мне не знаком, а кидаться на незнакомого человека мне совесть не позволила. Может, хоть эксперты приедут свои, родные, на которых и оттянуться будет не грех...

Но и с экспертами мне не повезло. Криминалист, прибывший на место, выглядел таким забитым и затюканным, что отбил у меня всякую охоту к нему придирааться; ну какой смысл цепляться к человеку, который не в состоянии тебе дать отпор? Выходя из машины, я нечаянно (правда, нечаянно) наступила ему на ногу, и он тут же извинился. Я почувствовала себя львицей, у которой вырвали добычу из пасти. Оставалась надежда на судебного медика, но и тут не подфартило. На краю канавы, куда машине – даже вездеходному милиционерскому уазику – было не подъехать, балансировал средних лет мужичок в камуфляже. Рядом с ним стояла увесистая экспертная сумка, не оставлявшая сомнений в том, что это дежурный судмедэксперт, но мне он знаком не был.

Дойдя до края твердой земли, я кашлянула и поздоровалась с экспертом:

– Добрый день. Я следователь прокуратуры Швецова Мария Сергеевна.

Эксперт повернулся ко мне. У него было простоватое, но приятное лицо.

– А-а... Мне Дима Сергиенко про вас говорил.

– Что именно? – напряглась я.

– Что вы очень милая женщина.

Я взглядела в него, ища подвох. За моей спиной хмыкнул милицейский водитель.

– Как ваше имя-отчество?

– Георгий Георгиевич.

Эксперт говорил тихим голосом, растягивал слова и явно никуда не торопился. На меня он действовал успокаивающе. Я начала искать положительные моменты в том, что происшествие случилось под окнами моего дома. Первый положительный момент заключался в том, что после осмотра я смогу зайти домой и поменять обувь. Но на этом положительные моменты почему-то закончились. Подул ветер, причем порыв его был ужасающим, меня чуть не сдуло в канаву.

Отойдя от машины, я осознала, что ветер пронизывает насквозь, что уже стемнело и сквозь рваные клочья облаков просвечивает какая-то мутная луна. Где-то неподалеку выла собака, и я подивилась, как неуютно может быть в совсем неподходящее, в общем-то время в центре большого города.

Окна моей квартиры уже светились; значит, Хрюндик дома, трескает чипсы, долбит «Плейстейшен» и радуется, что никто не капает ему на мозги. Я вздохнула и вернулась к месту происшествия.

– Ну что, начнем, наконец? – нервно осведомилась я у эксперта. Георгий Георгиевич затаился в последний раз, выкинул в канаву окурков, попав аккуратно на присыпанное землей тело, и потянулся к стоящей на отшибе экспертной сумке.

– Извлекать его? Или там будем осматривать? – кивнул он в сторону рва. Но, свесившись туда с риском для жизни, тут же покачал головой.

– У меня-то есть бахилы, а вот вы – на каблучках. Утонете.

Вообще-то я начала тонуть, еще не попав в канаву. Днем прошел дождь со снегом, и не покрытая асфальтом земля превратилась в жидкую грязь даже на берегу. Не говоря уже о том, что писать протокол, стоя по колено в жиже тремя метрами ниже уровня культурного слоя, технически проблематично. Про мифические «костюмы следователя для выезда на место происшествия», состоящие, если верить брошюрке «Организация работы следователя» 1964 года издания, из бахил, прорезиненного плаща с капюшоном, теплого свитера и прочих изысков, сейчас никто и не вспоминает. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Да и вообще, – прервал мои размышления доктор, – нога-то зажила? – Я даже не сразу поняла, о чем он.

– Мне Дима Сергиенко рассказывал, – пояснил эксперт, кивком головы указывая на мою правую ногу.

– А-а. Да, но в ямы прыгать больше не хочется, – я вспомнила свою летнюю травму. Дежурила по городу в воскресенье, нас вызвали на изнасилование, происшедшее на территории стройки. В отделе милиции дожидался задержанный насильник, назвавшийся Петровым Андреем Андреевичем и яростно отпиравшийся от обвинений в сексуальном преступлении, утверждая, что пришел на стройку с целью хищения стройматериалов. Я его быстренько допросила, оформила протокол задержания и потащила на осмотр места происшествия – пусть покажет, какие стройматериалы и откуда пытался свистнуть. Пробираясь по пустырю, заваленному техническим хламом и грудями расколотых кирпичей, я, галантно поддерживаемая Димой Сергиенко, с изяществом прыгнула в ямку в аккурат на гигантский ржавый гвоздь, торчавший из доски. Гвоздь пропорол мне ногу насквозь, Дима, пользуясь тем, что я еще не успела по-настоящему испугаться, ловко выдрал его из меня, приговаривая, что коллега Стеценко его со свету сживет за то, что не уберег даму его сердца. Из продырявленной ноги хлынула кровиха, местный опер не растерялся и горячо зашептал задержанному, что ответить ему придется не только за изнасилование, но и за ранение, полученное следователем при исполнении служебных обязанностей. Дурачок задрожал и с перепугу признался, что преступление совершил именно здесь, и вот как раз валяется оброненная им в самый интересный момент зажигалка, а главное – вовсе он даже не Петров, а Молодцов Игорь Владимирович... Надо же, сколько всего интересного рассказал обо мне Дима Сергиенко! А новый доктор-то серьезно подготовился к работе со мной.

В машине проснулся и завозился криминалист. Я огляделась в поисках тех, кто будет вытаскивать тело из канавы, и мне стало еще больше не по себе: обнаружилось, что здесь, в проходном дворе, скудно освещенном обмылком ночного светила, над раскопками канализации, похожими на вскрытую могилу, никого, кроме меня, экспертов и водителя, да двух сучающих рабочих. Из них я едва была знакома с милицейским криминалистом, и шапочно – с водителем, причем даже не знала его имени. Остальных персонажей я видела сегодня впервые, хотя судебно-медицинский эксперт, судя по всему, мог сдать экзамен по моей биографии. С чего бы это вдруг?

Вокруг было все так же мрачно. Один флигель дома зиял провалами окон, поскольку расселен был около трех лет назад; но даже и в другом флигеле, пока еще, по моим данным, жилком, не светилося ни одно окошко, словно вымерло все перед полнолунием, как в страшных сказках. С улицы донесся приглушенный грохот трамвая, на секунду воцарилась жуткая тишина, а потом собака за углом завывала уж совсем отчаянно.

Интересно, а кто в развитых странах извлекает трупы из мест, не приспособленных для осмотра, задумалась я, вертя головой. Представив своих уважаемых знакомцев из Скотленд-Ярда, унижающихся перед местными бродягами с парой фунтов стерлингов в потных кулаках, я развеселилась. Там еще бродяг поискать надо, это вам не наш город высокой куль-

туры, где люмпена в дырявом армяке, распространяющего характерный запах, можно встретить даже в шикарном супермаркете...

Понятно, что грамотно одетый Георгий Георгиевич будет руководить поднятием объекта со дна канавы, а исполнять его указания предназначены затосковавшие работяги. А нечего трупы находить, как выразился однажды на подобном выезде Костя Мигулько. Да еще и милицию будоражить; нашли и закопали... А раз не закопали, хлебайте полной ложкой. Еще и понятыми будете, до глубокой ночи, без всяких сверхурочных. Работяги, поймав мой взгляд, дружно подтянулись к краю канавы.

– Ну че, доставать? – обратился один из них к судебнo-медицинскому эксперту, видимо, инстинктивно не принимая в расчет женщину на корабле, то есть меня в контексте происшествия. Что ж, я к этому привыкла. По молодости лет я с тем же Димой Сергиенко, смотревшимся не в пример солиднее, выехала на строительную травму; вышли мы из ПКЛ (Передвижной криминалистической лаборатории) – Дима в очках и костюме с галстуком, я с «конским хвостиком» на затылке и в босоножках, к нам подскочили всякие прорабы с инженерами, подхватили Диму под белы ручки и бережно повели со словами: «Пойдемте, товарищ следователь, мы вам все покажем». Димка на меня оглянулся и говорит: мол, не следователь я, а эксперт, а следователь – вот, справа от меня. Строительные начальники, все как на подбор заматерелые, в годах, даже не потрудились посмотреть на меня повнимательнее. Так, притормозив на мгновение, мазнув по мне боковым зрением, они еще более нежно взялись с двух сторон за Диму, и самый главный сказал: «Пойдемте, товарищ эксперт, мы вам все покажем», – после чего они повлекли именно Диму к месту падения стены, а я потащила сзади, всеми игнорируемая...

Я потрясла головой, отгоняя воспоминания. Кивнула ждущему моего сигнала доктору, и он занялся работягами.

Откуда-то они притащили кусок брезента, толстый канат – так что все обещало пройти на уровне мировых стандартов.

Сонный криминалист, неслышно подкрадываясь к эпицентру событий, щелкнул затвором фотоаппарата прямо у меня за ухом и напугал до смерти. Правда, тут же принес самые искренние извинения, завороченный моим ледяным взором.

Пошла обыкновенная следственная рутина – пока криминалист фотографировал, а работяги разматывали брезент, я, устроившись на жестком сиденье уазика, привычно кропала описание местности, на которой располагается место обнаружения трупа. Писала и думала, что человеку с развитым воображением этот ландшафт наверняка показался бы подходящей сценой для походов какого-нибудь графа Дракулы: расселенный, полуразрушенный дом вместо старинного замка; раскопанная под канализационную трубу траншея вполне сошла бы за разрытую могилу, темный силуэт склонившегося над ямой эксперта-медика с характерно поднятыми руками и скрюченными пальцами можно принять за зловещую тень вампира, а освещает все это безобразие полная луна, столь любимая оборотнями и упырями...

Но на деле все окажется гораздо прозаичнее: в худшем случае мы найдем на трупе ножевое ранение, а в лучшем не найдем внешних признаков телесных повреждений, отправим в морг и дождемся заключения об алкогольной интоксикации. А что, шел бедняга мимо неогороженной канавы, шатаясь от усталости, да и свалился на мягкую землю...

Нет, не особо это клеится: работяги вроде говорили, что вчера ничего такого в канаве не было, а сегодня, углубив раскоп, они наткнулись на него, значит, даже если он сам туда свалился, кто-то его потом засыпал землей. Если это, конечно, не сами работяги. Но, с другой стороны, нелогично сначала засыпать землей труп, а потом поднять вокруг него хай.

Из машины я наблюдала, как один из работяг спрыгнул в канаву, исчезнув в ней, – раскоп был значительно выше человеческого роста. Второй с берега травил туда веревку, доктор жестикулировал, направляя действия обоих помощников, – в общем, работа кипела.

Наконец брезент с телом подняли и разложили на твердой поверхности. Судебно-медицинский эксперт, кровожадно воздев руки в резиновых перчатках, с удовлетворением оглядел фронт работ, и я подумала, что для виры-майны еще туда-сюда, а для осмотра уже темно-вато, при луне только вурдалаки с трупами работают. Пихнув в бок задремавшего водителя, я заставила его подъехать опасно близко к обрыву и осветить фарами брезент с телом. Водитель сопротивлялся так, будто я уговаривала его съесть покойника вместе с брезентом, и ссылаясь на дохлый аккумулятор, строгое начальство и перспективу идти домой пешком. Напугал, подумала я, оглянувшись на свою парадную; а за экспертами пусть главк приезжает.

Но оказалось, что он не преувеличивал: фары светили все слабее, потом стали мигать. Водитель упорно не включал двигатель, как будто специально дожидаясь кончины аккумулятора; мотивировал тем, что бензин на свои деньги покупает, а вот аккумулятор – казенный. Доктор выразил опасение, что заканчивать осмотр придется в темноте. Можно, конечно, было созвониться с дежуркой РУВД, потребовать освещения, на худой конец, попросить пригнать сюда пожарную машину, чтобы она прожектором освещала наше место происшествия, но стоит ли? Это минут сорок нервного препирательства с дежурным и как минимум еще два часа ожидания пожарки.

– Что там, в двух словах, Георгий Георгиевич? – высунувшись из машины, крикнула я.

– Дубиной какой-то его пристукнули, из груди торчит инородное тело, – проговорил эксперт, взяв с трупом.

– А конкретнее?

– Сейчас, – пропыхтел эксперт. – Одежду написала?

– Написала. Брюки черные, рубашка черная, из шелковистого материала, на ногах черные ботинки на каблуке, черные носки. Что это он весь в трауре?

– И трусы черные, и майка, – добавил Георгий Георгиевич. – Ну, пиши: по средне-ключичной линии слева на уровне четвертого и шестого межреберий в грудную клетку введен инородный предмет – оструганная деревянная палка диаметром около четырех сантиметров, в направлении горизонтально спереди назад и незначительно слева направо. На уровне погружения... Успеваешь?

– Успеваю, – кивнула я, лихорадочно записывая эту медицинскую абракадабру, даже не вникая в ее смысл. Надо было справиться до того, как аккумулятор в милицейской машине окончательно сядет. Я даже, вопреки своим правилам, не пошла сама любоваться на жмурика, доверив все эксперту.

В конце концов, с местом происшествия до завтра ничего кардинального не произойдет, если только в наших широтах не ожидается землетрясения. А все подробности про труп можно будет уточнить в морге, при надлежащем освещении, в тепле и уюте. Торопясь, я даже проглотила некоторую фамильярность со стороны эксперта, которого увидела сегодня в первый раз. Но, видимо, он уже столько наслышался про меня от Димы Сергиенко, что считал своей давней знакомой. Или просто привык не церемониться; а вот мне трудно с ходу перепрыгнуть на «ты».

– Пишешь? – приподняв голову, эксперт наблюдал за движением моей шариковой ручки. – На уровне погружения в кожу видны края ран, частично завернутые внутрь, с бледно-буро-красноватым узким осаднением, на них необильные наложения слегка подсохшей крови. Есть?

– Есть, – кивнула я, строча под его диктовку; ясно одно, что любезная сердцу формулировка «без внешних признаков насильственной смерти» нам не светит.

– А что это значит? – встрял из-за машины скучающий криминалист, который свою работу давным-давно сделал и слонялся вокруг, не зная, куда себя приложить. Он, похоже, прислушивался к тому, что говорит эксперт, и вникал в сказанное больше, чем я.

– Что значит? – добродушно переспросил Георгий Георгиевич, наклонившись к трупу и чуть ли не носом водя по нему. По-моему, он стоял перед ним на коленях. – Да кол ему в сердце загнали.

– Кол? – спросили мы одновременно с криминалистом. Тут и я уже подняла голову, осознав сказанное. – Кол в сердце? Может, он упал в яму и напоролся на палку?

– Не-ет, – покачал головой медик. – Входная рана – на передней стороне грудной клетки. Вот если его за руки, за ноги раскачали и лицом вниз сбросили на кол, это я еще могу допустить. Но только если кол был жестко закреплен на дне канавы.

– А он был закреплен? – с надеждой спросил криминалист.

– Увы, – Георгий Георгиевич с трудом разогнулся, держа на весу руки в перепачканных перчатках. – Мария Сергеевна, здесь кол извлекать не будем, это все в морге, при вскрытии.

– А давность какая? – машинально спросила я, дописывая в протокол обычные реквизиты – что и как сфотографировано, что изъято, кем прочитано, замечаний нет.

– Вчерашний парень, не больше. Ногти стрижем?

– Стрижем.

– Придется потрудиться, – прокомментировал доктор, взясь над трупом. – Это не ногти, а когти. Напиши тогда: края ногтевых пластинок выступают за концы пальцев на... – он на секунду задумался, прикидывая длину когтей, – на два-два с половиной сантиметра.

«Много – не мало», – подумала я, фиксируя в протоколе эти жуткие когти; вдруг под ними чего-нибудь и найдется. Хуже, если состригать с трупа нечего.

Выполнив задачу, Георгий Георгиевич с треском сорвал с рук резиновые перчатки и бросил их в канаву. В тот же момент фары милицейского УАЗа, и так уже работавшие на последнем издыхании, жалобно мигнули в последний раз и погасли. Воцарилась кромешная тьма, даже луна спряталась куда-то в ужасе от развернувшейся под ней картины.

Наконец наши глаза привыкли к мраку, я с облегчением убедилась, что труп никуда не делся. Мы все сбились в кучку возле замершей машины. Рабочие с испуганными лицами не жаловались и не ныли, эксперты мрачно молчали, и даже водитель, явно имевший, что мне сказать после гибели аккумулятора, только сопел, нашаривая в машине рацию. Опередив его, Георгий Георгиевич вытащил из кармана камуфляжной куртки мобильный телефон, и наша мрачная компашка на мгновение озарилась зеленоватым светом дисплея, но трубка тут же пискнула и выключилась.

– Вот черт, – озадаченно проговорил Георгий Георгиевич, без всякого результата нажимая на кнопки. – Опять трубка села. Только вчера зарядил...

Водитель наконец нащупал свою громоздкую рацию, и я вдруг поняла, что мне не хватает ее перманентного шипения, сопровождавшего весь осмотр. А вот сейчас рация молчала как убитая, и сам водитель уставился на нее с недоумением.

Не скрою, сначала я испытала легкий озноб от страха. Но он быстро прошел; в конце концов, мы остались без средств связи в компании с трупом не в пустыне и не в лесу, а в центре большого города, вокруг люди, и я вполне могу сходить к себе домой и по телефону вызвать машину.

Георгий Георгиевич вызвался меня проводить. Я ухватилась за его теплый рукав, и мы, спотыкаясь о камни и куски развороченного асфальта, побрели к моей парадной. За нашими спинами остались притихшие товарищи и труп неизвестного с колом в сердце.

По дороге мы, естественно, обсуждали нашего мертвого клиента.

– Что ж это за зверство такое, – удивлялась я, – прямо Средние века. Кол в сердце, это ж надо! Кровная месть, что ли?

– Да, с таким я еще не сталкивался, – меланхолично признавался доктор. – Может, это маньяк?

Я вздрогнула. Не хватает мне еще маньяка в родной подворотне! А как быть с ребенком? Здорового балбеса за ручку водить в школу и из школы? Он сам взбунтуется. То есть мне остается сидеть на работе и умирать от страха за родное чадо... Нет уж, надо срочно что-то делать!

Подойдя к парадной, я машинально задрала голову – свет в моих окнах уже не горел. Я взбежала на четвертый этаж как ошпаренная, уцепившийся за меня доктор еле поспевал скакать через ступеньки. Влетев в квартиру, я пронеслась вихрем по коридору и убедилась, что ребенок, слава богу, мирно спит в своей постельке в обнимку с наушниками, журналом «Cool», что означает «Круто!», пакетом из-под чипсов и учебником истории, затесавшимся в эту компанию явно по ошибке. Естественно, он проснулся и заворчал, зачем я с таким грохотом брожу по квартире, но тут же задрях снова.

Хорошо, до утра передышка есть, но потом ребенка надо срочно эвакуировать.

Плотно притворив двери в комнату Хрюндика, я в темпе напоила доктора кофе, упихала в полиэтиленовый пакет бутерброды для остальных членов нашего припозднившегося коллектива, позвонила в РУВД и в главк, чтобы нам обеспечили отъезд с места происшествия, но на этом моя деятельная натура успокоиться не могла.

– Георгий Георгиевич, давайте осмотрим его как следует в морге, – предложила я доктору на бегу.

– А зачем? – удивился он. – Завтра его спокойненько вскрыют. Все опишут! Приезжайте на вскрытие.

– Я не дотерплю. Я ж ему даже в глаза не посмотрела.

– И слава богу, – махнул лапкой эксперт. – Товарищ довольно страшненький. По хабитусу и тургору кожи ему лет тридцать-тридцать пять. А физиономия древнего старца.

– Как это?

– А вот так. Кожа бурая, пергаментная, глубочайшие морщины по всему лицу, да еще и весь струпьями покрыт. Волосья отросшие, не только ногти. Косматый такой урод.

Он это так убедительно мне представил, что я содрогнулась. Нет, в морг надо ехать прямо сейчас.

В морг мы прибыли значительно раньше, чем персона, ради которой мы тащились глубокой ночью к черту на рога. Мы-то с медиком и криминалистом стартовали напрямик туда, а труповозы от нашей канавы совершили еще вояж по нескольким районам под девизом: «Порожний рейс – убыток государству». Мы выпили весь кофе у дежурного санитара, съели даже семечки, завалывшиеся в кармане у Георгия Георгиевича, и встретили нестройными восторгами бригаду спецтранспорта, притащившую целую гроздь покойников со всех концов города.

Их аккуратно сложили на каталки в коридоре морга, а Георгиевича я послала выцепить наш объект и определить его в секционную. Расшалившись, я даже прошлась по моргу с целью выбора площадки, благо ночью очереди на вскрытие нет.

Хоть я и раньше бывала в морге по ночам, меня в который раз поразили мрачные гулкие коридоры, напоминавшие одновременно и больницу, и старинный склеп. И опять, как и раньше, мне показалось, что под потолком парят и стонут неприкаянные человеческие души.

В секционной, которую Георгий Георгиевич выбрал для продолжения осмотра, было светло и просторно, и мои ночные страхи отступили. В конце концов, мы в государственном учреждении, даже не в темном дворе, вокруг люди, хоть и немногочисленные, – пара экспертов и дежурный санитар. Ну и что, что на секционном столе труп с колом в сердце, с темным морщинистым лицом, с длинными волосами и отросшими, закрученными в спираль когтями (хотя нет, когти уже сострижены и лежат у меня в сумке, процарапывая тонкую бумагу конвертика). Мало ли что мы видали за долгую следственную жизнь; вон, Лешка Горчаков меня

уже дразнит «бабушкой русского следствия», особенно когда я пускаюсь в рассуждения о том, что мы в наше время не так осматривали, не так допрашивали, не так экспертизы назначали...

Чего только не было! Я помню, как безумно испугалась много лет назад, когда раздувшийся зеленый труп бомжа в подвале, лежавший на горячей трубе, вдруг зарычал. Оказалось, что это всего лишь гнилостные газы, но впечатлений хватило надолго. Горчаков в свое время выехал на берег залива, куда волной выкинуло изрядно обгрызенное рыбами тело утопленника; в разгар осмотра Лешку, доверчиво склонившегося над телом, что-то преобильно цапнуло за руку. Горчаков чуть не свалился в обморок, но не от боли, а от ужаса – представляете ощущения следователя, которого кусает за руку труп? На самом деле укусил не труп, а попавший к нему под одежду в заливе угорь, вместе с которым его и выбросило на берег. Жуть! А в данном случае угря и прочих хищников на трупе не болталось, и никаких особых неожиданностей не предвиделось. Я смело ступила в секционную и направилась к столу. За мной, с фотоаппаратом наготове, семенил криминалист.

Георгий Георгиевич, закатав рукава камуфляжной куртки, уже хлопотал возле нашего клиента. На каталке в углу была аккуратно разложена снятая с трупа одежда, вся – черного цвета. Под каталкой стояли черные остроносые ботинки на довольно высоком каблуке. Я машинально отметила, что вся одежда, несмотря на то что она перепачкана землей, производит впечатление новой, почти неношенной, рубашка и ботинки – из дорогих. Наш клиент с колом в груди был франтом. Я кивнула криминалисту, и он несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата, делая снимки одежды. Между прочим, на улице – плюс три, со снегом и дождем. Что ж, он так и гулял по ночам налегке, в одной рубашке?

– Я его на спину положил, – отрапортовал доктор, – кол из грудины торчит сантиметров на тридцать, пробил ему грудную клетку почти насквозь.

Георгий Георгиевич сделал приглашающий жест, и я, оторвавшись от созерцания одежды, подошла поближе к секционному столу. И, как только я взглянула на распростертое на столе тело, все рациональные соображения выскочили у меня из головы.

На секционном столе лежало чудовище из фильма ужасов. Бледное тело его – мужчины в расцвете сил – было очень красивым и пропорциональным (если абстрагироваться от торчавшего из груди кола), и тем страшнее смотрелись по контрасту с этим телом голова и кисти рук. Длинные спутанные волосы клубились, откиннутые назад, обнажая бурое лицо со ссохшейся, избороденной морщинами кожей; щеки, нос, уши и даже веки были покрыты отвратительного вида язвами, на висках, кроме того, бугрились рубцы. Слишком большие уши, все сплошь в трещинах и язвах, были будто изломаны в хрящах и слегка заострены; а может, так просто казалось из-за обилия на них кровавых холмиков треснувшей кожи. Можно было подумать, что на лице – грубо сработанная маска из высохшей коры дерева, но лопнувшие бугорки язв с засохшей на них кровью говорили о том, что все-таки это кожа. Так же безобразны были скрюченные пальцы на покрытых язвами руках.

Глаза трупа были приоткрыты, и я с ужасом увидела, что они словно налились кровью. Поймав мой взгляд, Георгий Георгиевич кивнул:

– Я тоже сначала подумал, что это мелкоточечные кровоизлияния. Нет, просто белки глаз розовые.

– Почему? – прошептала я, не в силах отвести взгляда от чудовищного оскала трупа. За моей спиной охнул криминалист, и я с некоторым облегчением подумала, что не одна я такая впечатлительная. Оглянувшись на него, я увидела, что он, открыв рот, пожирает глазами покойника.

– Мария Сергеевна, писать-то будем? – будничным приглушенным голосом окликнул меня судмедэксперт, и я с трудом заставила себя повернуться к трупу.

Свет в секционной мигнул, и мне вдруг показалось, что это чудовище повернуло за мной красноватые глаза и угрожающе оскалилось. Я отшатнулась, и криминалист, стоявший позади, поймал меня в свои объятия, испугав еще больше.

– Ты чего, Мария Сергеевна? – добродушно спросил доктор, оглянувшись на наши телодвижения. Похоже, он один сохранял спокойствие в компании этого странного кадавра.

– Господи, какой он страшный! – пробормотала я. – Смотрите, как он скалится...

Мне показалось, что верхней губы у трупа вовсе не было, поскольку острые красновато-коричневые зубы были обнажены почти до десен.

– Да он смеется над нами! – тихо сказал за моей спиной криминалист. И тут свет в секционной погас вовсе.

Я инстинктивно вцепилась в обоих экспертов и задрожала. В темноте я не видела секционного стола, но ощущала, что от тела, распростертого на нем, идет мощная волна какой-то темной энергии. А может, у меня уже ум за разум заходил от усталости...

В коридоре раздались чьи-то шаркающие шаги; в гулкой тишине морга они звучали как удары больших старинных часов и приближались вместе с каким-то тусклым, колеблющимся источником света. Мы все замерли, глядя на приоткрытую дверь секционной. Наконец на пороге показалась темная фигура в каком-то странном балахоне с капюшоном, низко опущенным на лицо, с оплившей свечой в руке.

Фигура постояла так некоторое время, подняв вверх свечу и пялясь на нашу застывшую группу, потом нецензурно выругалась, впрочем, вполне доброжелательно.

– Опять, блин, напряжение скачет, – сказала фигура, – свет вырубил, черти. Я вам свечку принес.

Тяжело ступая, фигура приблизилась к секционному столу и оказалась дежурным санитаром, с головой закутанным в плед. От него исходил явственный запах свежеевыпитого, заквашенного на старых дрожжах, он и на ногах держался не совсем твердо. Но был полон решимости помочь нам. Пошатываясь, он склонился над самым лицом трупа, капая воском на край секционного стола, чтобы закрепить на нем свечу.

– Фу-ты, ну и рожа, – сказал он, обратив наконец внимание на того, кто лежал перед ним во всем своем жутком великолепии. – Прямо упырь. Кто-то тебя уконтрапунил по всем правилам, – обратился он к мертвецу. – Кол осиновый прямо в сердце загнули, – бормотал он, разглядывая труп.

– А почему осиновый? – спросила я осипшим голосом.

– Да потому, что осиновый, что я, не вижу, что ли? – икнул санитар. Глаза у него закрывались; чтобы удержаться в вертикальном положении, он одной рукой ухватился за край секционного стола, а второй оторвал от стола только что тщательно закрепленную им свечку и поднес пламя к торчащему из груди трупа колу. – Вот, осина не горит без керосина... Свету-то не будет до утра. Может, спать пойдете?

Мы все дружно замотали головами. Мне, например, еще не приходилось спать в одном помещении с вампиром. Остальные покойники в расчет не принимались, никогда я трупов не боялась, да и в морге мне приходилось уже ночевать, но почему-то именно этот труп внушал мне необъяснимый ужас.

– Главное, чтоб в сердчишко попали, – санитар продолжал беседовать с трупом. По моему, ему было просто не отойти от стола, иначе он потерял бы равновесие. – Чтобы кровососа обезвредить, надо точно в сердце попасть...

– А если не попали? – уточнила я.

– А если не попали, полежит-полежит и встанет, – пообещал санитар. – Но только ночью встанет; они ж света боятся. Как утро настает, так они и прячутся.

Георгий Георгиевич поморгал, привыкая к обманчивому пламени свечки.

– Между прочим, так раньше в мертвецких искали на трупах следы биологического происхождения, – заметил он, – со свечкой, в косопадающем свете.

– Да, я у Рейсса читала, – подтвердила я. – Вы хотите попробовать?

– Раз уж нам судьба предоставляет такой случай... – пожал плечами Георгий Георгиевич.

– Со свечкой искать будем? – с готовностью спросил криминалист, взяв наперевес фотоаппарат.

– Зачем? – удивился доктор. – Любезный, у вас тут ультрафиолетовая лампа не завалилась?

– ОЛД-41, что ли? Завалилась, – кивнул головой санитар, все еще не выпуская край стола. – Только электричества нет, включить ее некуда.

– Найдем куда, – вмешался криминалист, – у меня есть маленький аккумулятор. Минут на десять хватит. Там вилка – не евростандарт?

– Какой там евростандарт? – хмыкнула я. – Синяя лампа ОЛД-41 уже лет пятьдесят на вооружении.

– Шестьдесят, – поправил меня Георгий Георгиевич. – Только если бы она до сих пор была на вооружении, следствие больше бы преуспело. А то я смотрю, ваши следователи вообще не знают, как следы искать. Хорошо, если эксперты подскажут, так ведь эти ваши юные следопыты не всегда и послушают, – печально вздохнул он.

– Между прочим, и эксперты уже тоже многого не знают, – подколола я эксперта.

– Согласен, – не стал тот спорить... – Что за парадокс: налицо регресс, а не прогресс новых поколений. Молодежь знает меньше, чем их предки.

– Это вы меня в предки записали? – обиделась я.

– И себя тоже, – примирительно сказал эксперт.

– Вот себя обзывайте, как хотите, а меня не приплетайте, – твердо заявила я. – Работать будем наконец?

– Не обижайтесь, – попросил доктор. – Наверняка вы даже знаете, как выглядят пятна биологического происхождения в ультрафиолетовом освещении.

– Знаю, сперма – это голубоватое свечение, а кровь – просто темные пятна, они не светятся.

– В моей здешней практике вы первый следователь, который это знает.

Обнаружив, что санитар самостоятельно не дойдет до нужной нам лампы, я допросила его с пристрастием, где лампу взять, и отрядила за ней криминалиста, который, судя по всему, особого восторга от своей миссии не испытал. Отковыряв от секционного стола свечку, он побрел с ней по коридору, и с ним вместе скрылся единственный источник освещения. Георгий Георгиевич на ощупь добрался до высоких окон секционной и попытался отдернуть плотные черные шторы, призванные заслонить от любопытных глаз то, что происходит во время вскрытия. Сквозь мутные, давно не мытые стекла упал на нас призрачный свет луны, и мои глаза стали различать кое-какие предметы. На секционный стол и лежащий на нем труп я старалась не смотреть.

– А велика ли ваша здешняя практика? – поинтересовалась я у эксперта, когда он вернулся к столу.

– Я уже месяц тут работаю, в дежурном отделении. Меня привел Дима Сергиенко.

Я несколько в этом и не сомневалась.

– А Диму вы откуда знаете?

– Мы с ним вместе были на Северном полюсе.

Да, был такой эпизод в биографии нашего любителя приключений.

Болтая с экспертом, я подуспокоилась. Прибрел по темному коридору криминалист; как же его зовут? Витя, кажется. В одной руке он торжественно нес свечку, изрядно уже оплавленную, а в другой тащил овальную коробку из черной пластмассы, заключавшую в себе

пресловутую лампу ОЛД-41, при виде которой у меня чуть слезы на глаза не навернулись от ностальгии. Правда, этот громоздкий агрегат и на заре моей карьеры не шибко применяли для раскрытия преступлений, – все больше для прогрева застуженных ушей, для чего он, собственно, и был создан; но, по крайней мере тогда, о нем знали все следователи. Юная следовательская поросль обыкновенно баловалась этой синей лампой – запиралась в темных помещениях и освещала друг друга ультрафиолетовым светильником, наслаждаясь удивительным по красоте зрелищем. На чистой, казалось бы, одежде под синей лампой начинали сиять нежным голубоватым светом крохотные звездочки прилипших к ткани ворсинок и пылинок. Вот их и собирали прозаические эксперты в качестве следов микроналожений, говоривших о контактном взаимодействии с одеждой другого человека или с каким-нибудь другим предметом; убедившись в наличии таких микроналожений, они собирали их, проводя по ткани срезом чистой губки, потом рассортировывали, измеряли и описывали каждую волосинку и доказывали, что с потерпевшим в черном пиджаке боролся нападавший в желтом свитере.

Криминалист передал Георгию Георгиевичу свечной огарок, чтобы тот его пристроил стационарно, на прежнее место – на углу секционного стола, откинул овальную пластмассовую крышку футляра лампы, раскрутил шнур и подключил лампу к аккумулятору. Большая синяя лампочка тут же отбросила на секционную загадочный блик, сделав помещение еще более похожим на склеп.

Мы переглянулись; наши лица в синем свете выглядели очень непривычно. Георгий Георгиевич принял из рук криминалиста лампу и направил ее на мертвеца, лежавшего на столе. Глаза у того были приоткрыты, рот оскален, и мы увидели, что нос трупа, его торчащие зубы и, что самое удивительное, зрачки глаз тихо засветились в темноте красным. Доктор даже конвульсивно отдернул руку с лампой.

– Такого я еще не видел, – еле слышно пробормотал он.

– А что это значит, доктор? – я превозмогла себя и заставила рассмотреть мерцающий красным труп как следует.

– Не знаю, – покачал головой Георгий Георгиевич, – не знаю. Наука здесь бессильна...

– Надеюсь, это шутка? – уточнила я.

– А кровь-то есть? – тихо спросил криминалист, пытающийся что-то разглядеть из-за наших спин.

Хороший вопрос, подумала я и наклонилась к трупу. Завороженная красным светящимся оскалом покойника, я с трудом заметила на зубах и деснах вокруг клыков темные островки пятен, не издающих свечения.

– Да, похоже, это кровь, – подтвердил мои догадки доктор; синяя лампа в его руке слегка дрожала. – Смывы брать?

– Конечно!

С оглушительным треском хлопнула от сквозняка фрамуга высокого окна, форточка ударила о стену, на пол с каким-то нездешним звоном посыпались осколки стекла. Тут же в дыру в стекле надуло мокрого снега.

От порыва ветра очнулся санитар, с олимпийским спокойствием облокотившийся на изголовье одра:

– У, вампирюга! Зенки залил! – Непонятно, кого он имел в виду – себя или покойника. – Вон там, в коридоре, невинные жертвы валяются, его работа.

Я потребовала разъяснений, и санитар охотно разъяснил:

– Привезли с ним вместе обескровленный труп. А вчера еще один был, так и лежит, бедолага, очереди ждет. После выходных не до него было.

– Укушенные? – с придыханием спросил криминалист.

– С колотыми ранениями шеи, – авторитетно разъяснил санитар. Он трезвел прямо на глазах; и то сказать, температура в секционной падала стремительно, лучший вытрезвитель и придумать трудно. – Вилкой, наверное, долбанули.

– Пошли посмотрим, – я решительно подхватила под руку Георгия Георгиевича. Увлекаемый мной, он еле успел уцепить со стола свечку.

Криминалист тут же пошел за нами, деловито проверяя фотоаппарат. По-моему, ему просто страшно было оставаться в секционной с трупом и санитаром. А вот санитару ничего было не страшно, он стоял, пошатываясь, в опасной близости от покойника и пялился прямо в его красные глаза; эта сладкая парочка освещалась мертвецким синим светом и производила фантазмагорическое впечатление. Сальвадор Дали и Хичкок зарыдали бы, их увидя. Так они и играли в гляделки, пока мы не завернули в коридор и не потеряли их из виду.

В коридоре мы, уверенно предводительствуемые судебно-медицинским экспертом, сразу нашли сегодняшнюю жертву вампира – ничем не примечательного мужчину средних лет, здорово уступавшего нашему клиенту по физическим данным. На трупе была какая-то заношенная рабочая одежда, фуфайка без воротника и ватник, лицо было бледнее, чем обычно бывает у мертвецов, и его не вполне характеризовало даже выражение «мертвенная бледность». На шее трупа темнело несколько пятнышек, которые при свете свечи можно было принять за следы удара вилкой. А можно и за укус, о чем не преминул мне сообщить Георгий Георгиевич.

Второго, более давнего покойника пришлось поискать. Осмотрев все каталки, стоящие в проходе за первым поворотом, и не обнаружив ничего похожего, мы решили, что просто пропустили нужного покойника, и принялись смотреть по второму разу. А это означало, что кто-то из нас будет держать свечку, а кто-то – отодвигать каталки и поворачивать трупы. Развернуть каталку в проходе оказалось невозможно, по крайней мере для нас, людей, не имеющих профессиональной сноровки; человек, обладающий профессиональной сноровкой, протрезвел еще не окончательно, поэтому к его помощи не прибегали. Спустя четверть часа упражнений с каталкой мы все потирали ушибленные колени и локти, а главное, напрочь забыли про мокрый снег, лежащий на полу секционной. Стало жарко.

Памятуя о том, что он якобы с выходных ждет своей очереди, мы искали тело, подготовленное к вскрытию, и наконец обнаружили молодого человека, скромно притулившегося на каталке в темном углу коридора. Невзрачная одежонка – затертые джинсы, курточка, дырявые кроссовки; короткие светлые волосы, восковое, более чем бледное лицо. Правда, молодой человек при ближайшем рассмотрении оказался девушкой, но на характер повреждений это не повлияло: на ее шее обнаружили такие же дырочки, как и у предыдущего бедолаги.

На такие трупы любоваться при свече было самое то. Я тут же вспомнила свою поездку в Великобританию. Нас возили на экскурсию в Лондон и, конечно, отвели в Музей мадам Тюссо. Тамошние восковые фигуры выглядели гораздо более живыми, чем наши сегодняшние знакомцы.

Спать мне тут же расхотелось. А между тем наши хронометры показывали половину пятого, и мой рабочий день длился уже без трех часов суток.

Где-то на другом краю города спал без присмотра мой долговязый ребенок, а я болталась по моргу со свечкой и пыталась осмыслить наличие тут персонажа с колом в сердце вкупе с двумя обескровленными трупами. Интересно, что завтра скажет на это мой прокурор? Я испытала жгучее желание тут же позвонить ему и обрадовать сообщением, что я расследую нападение на вампира, насытившегося кровью двух невинных жертв. Я даже продумала вопрос о том, как квалифицировать убийство, сопряженное с вампиризмом, коль скоро в статье о лишении жизни нет такогоотягчающего обстоятельства. И мотив такой не предусмотрен законом. А правда, как квалифицировать такое деяние, и, главное, по какой статье дело возбуждать?

Шефу я звонить не стала. Пожалела. В последнее время он что-то совсем расклеился; сердце стало прихватывать у него все чаще и чаще. Один раз я зашла к нему после приема

и застала его сползающим с кресла, причем бледность его лица могла сравниться с жертвами вурдалака. Мы с Зойкой еле успели вызвать и «скорую помощь». Сколько он еще протянет на прокурорском месте? Мне даже не хотелось думать про то, что мы проводим нашего Владимира Ивановича на пенсию, а вместо него прокуратурой будет руководить какой-нибудь молодой выскочка.

Правда, Лешка как-то заикнулся в том смысле, что когда-нибудь это все равно произойдет, а новый прокурор необязательно будет ублюдком, он может быть и не хуже старого. Но во мне все возмутилось: не будет никакого прокурора, способного сравниться с обожаемым шефом. Пусть Иваныч ругается (хотя он и не ругается никогда по-настоящему, просто ворчит), пусть язвит, пусть пытается лавировать в узком проливе между Сциллой городской прокуратуры и Харибдой нашего разгильдяйства, жертвуя в этой игре пешками ради королевы, как дальновидный гроссмейстер, и если мы по ходу дела выражаем недовольство его поведением, то в конце концов все равно признаем его глобальную правоту и мудрость.

И то, что нам с Лешкой до сих пор ходить на работу интересно, – его заслуга.

Так что будить шефа среди ночи не буду, лучше завтра доложу ему все деликатно, подготовив его к страшной правде, подумала я, и спохватилась, что уже не завтра, а сегодня, поскольку в девять мне надо быть на работе. Обвинительное-то, черт возьми, так и не сдано.

В общем-то, после ночного выезда положено время на отдых, но мне почему-то отдохнуть еще ни разу не удавалось.

Можно было, конечно, прикорнуть в комнате дежурного эксперта или у санитара, но присутствие вампира отравляло настроение. Я поймала себя на том, что суеверно жду рассвета, – наивно рассчитывая, что пение петуха загонит всю нечисть в ее потусторонние убежища, и поразила тому, как в моем атеистическом сознании бойко всплывают глубинные пласты языческой памяти предков. Я, всю жизнь утверждавшая, что ничего колдовского не существует, и все кажущееся мистическим имеет свое реальное объяснение, почему-то с легкостью поверила в то, что этот косматый мертвец был вампиром.

И как раз в тот момент, когда я это осознала, в морге зажегся свет. Криминалист задул свечу и выпрямился. Судмедэксперт скептически глянул на труп с дырками на шее и отошел от каталки. Я разжала руку, вцепившуюся в куртку Георгия Георгиевича. Как же по-разному все воспринимается при электрическом освещении и в колеблющемся язычке пламени свечного огарка...

Мы переглянулись. Интересно, с чего это мы взяли, что имеем дело с трупом вурдалака? Да еще и с воодушевлением поскакали вылавливать в коридорах морга его обескровленные жертвы? Ну и что, в конце концов, что у него длинные спутанные волосы? Сейчас за это никого на улицах не хватают, хоть до пупа шевелюру носи. Уродлив? Те, кто на лицо ужасные, добрые внутри. Ногти в два сантиметра отрастил? Может, у него дома ножниц не было; или по идейным соображениям. Вон я в толстом журнале прочитала волнующую историю одной фотомодели, которая с теплотой вспоминает своего западного гуру: тот – между прочим, представитель интеллектуальной элиты – тоже ногти не стриг, причем на ногах, а давал их обкусывать своей собаке.

А кол, загнанный в сердце, кстати, не самый изощренный способ убийства. Чем хуже, например, ножка от табуретки, загнанная в задний проход? Или гвоздь в ухе? Так что нечего дурью маяться, приказала я себе. Надо дописать протокол и ехать на работу: возбуждать дело, выполнять необходимые следственные действия, заканчивать обвинилровку – в общем, заниматься текущей следовательской работой и не корчить из себя охотника на вампиров.

Мне показалось, что каждый из нас подумал то же самое.

– Мария Сергеевна, тебе сколько времени надо на протокол? – спросил Георгий Георгиевич. – В полчаса уложишься?

– Попробую, – ответила я. – А что?

– Да у меня тут коньячок припрятан, – мечтательно зажмурился эксперт, и тихий криминалист засветился лицом и потянулся к нему.

Я индифферентно пожала плечами. К крепким напиткам я равнодушна, да и вообще на работе уже давно пью только в крайних случаях. Горчаков на это сетует: мол, старость подкралась незаметно, раньше я была более компанейским человеком. Старые опера тоже любят вспоминать, как мы с ними работали лет десять-пятнадцать назад, и подчеркивают, что после успешного допроса и оформления протокола задержания мы все дружно отмечали раскрытие, и я не брезговала. Да, обычно думаю я, хорошо помню, как это происходило.

Когда убийца торжественно передавался в руки следствия, это означало, что опера уже свободны и могут праздновать, а у следователя самая работа и начинается. И пока следователь-бедолага терзает задержанного или задержанный терзает следователя – это уж как повезет, бравые орлы-оперативники в соседнем кабинете накрывают стол с избытком горячительных напитков и умеренно аскетичной закуской, некоторое время грустно сидят вокруг стола, демонстрируя солидарность со следопытом, потом начинают поминутно заглядывать в кабинет, где идет решающий допрос, и мимикой показывают следователю, что допрос допросом, но там, за стенкой, все стынет и нельзя больше испытывать терпение оперативного состава; в конце концов, добиваются предложения следователя начать, а он потом подойдет. А когда умаявшийся следователь ставит точку в последнем процессуальном документе, смахивает со лба каплю трудового пота, сдает бандита в камеру и, предвкушая – нет, не стопку сивухи, а кусок хлеба с колбасой, первый за весь день, входит туда, где празднуют, он обнаруживает, что последний сухарь, приготовленный на закуску, исчез в утробах оперов вслед за третьей дозой, а всего тостов уже было не меньше двадцати. Зато на столе все еще широко представлена разнообразная водка, которую следователь, увы, не пьет вообще, а без закуски – тем более...

Но в данном случае мне ничто не мешало просто поддержать компанию, посидеть рядом с любителями изысканных напитков и, пока они смакуют коньячок, поболтать с ними на тему о сегодняшнем покойнике – выяснить, что они думают про упырей и кровососов, а также про нетрадиционные способы убийства.

И мы пошли в комнату дежурного эксперта, расположились там с неожиданным удобством, – а может, так показалось после балансирования на краю грязной канавы, перемещений по темному и холодному моргу и силовых упражнений с каталками.

Мне тоже налили коньяку, и я, сделав вид, что пригубила, присела в уголке дописывать протокол. Убеждая себя в том, что мы только что осмотрели самый обычный труп, я обдумывала, как грамотнее отобразить в протоколе красное свечение клыков и глаз объекта осмотра, и одновременно участвовала в приятной беседе.

– Хороший коньячок, – с чувством проговорил Георгий Георгиевич, – и парень нам сегодня попался симпатичный.

Мы с ним горячо согласились.

– Главное, свежий, – продолжил доктор, наливая по новой. Я отодвинула свою стопочку; спиртное и так оказывает на меня снотворное воздействие, а если выпить к исходу суточной вахты, я свалюсь прямо тут. Нет уж, пока держусь, не стоит даже прислоняться к спинке дивана и тем более закрывать глаза.

Опрокинув стопочку, и робкий криминалист оживился.

– Так он все-таки вампир или мы все идиоты? – поинтересовался он.

– А что, другой альтернативы нет? – я обиделась за нас за всех. – А потом, вы что, в вампиров верите?

– А вы не верите? – удивился криминалист. – Граф Дракула-то – реальное историческое лицо.

– Ну, положим, не Дракула – реальное лицо, – поправил его доктор. – Дракулу Брэм Стокер писал с румынского господаря Влада Третьего.

– Ну хорошо, Влад Третий. Но этот самый господарь пил кровь человеческую и человечину ел, – не сдавался криминалист.

– Так что ж, если кто-то пьет кровь и ест человеческое мясо, он что, существо из преисподней?

– Но вампир же?

– По-моему, это терминологический спор, – вмешалась я в высоконаучную беседу. – Давайте сначала уясним, кто такой вампир. Представитель рода человеческого, который пьет кровь других людей, или бессмертный монстр, живущий в гробу, боящийся дневного света и ставший кровососом оттого, что его укусил другой упырь?

На огонек прибрел санитар, видимо, чуя запах спиртного на биомолекулярном уровне, и тут же включился в дискуссию.

– Вы что, не знаете, кто такой вампир? – забормотал он, протягивая дрожащую руку к стопарию с коньяком. – От нечистой силы рожденный или порченный. И вампиром он только после смерти становится. Живые мертвецы, вот кто они. И убить вурдалака никак нельзя.

– Ну, это вы хватили, – возразил криминалист. – Наш-то убит, и еще как убит.

– Правильно, – санитар опрокинул еще один стопарик, заботливо налитый Георгием Георгиевичем. – Потому что грамотно завалили. Кол в сердце, и все дела. Еще можно голову отрубить, и то не факт, что не встанет.

– Слушайте, а откуда вы так хорошо про них знаете? – удивилась я. Несмотря на свои дрожащие руки и внешность субъекта, не понаслышке знакомого с проблемой алкоголизма, говорил он очень убедительно.

Санитар наклонился ко мне, совсем как недавно к трупу, и, обдав застарелым перегаром, проговорил:

– Я ж в Карпатах вырос. У нас там, бывало, целые деревни в упыри уходили. Как один заведется, так пиши пропало: ночью встанет из могилы, придет в дом и у кого-нибудь из родичей кровь высосет. Вроде как стоит деревня, только хозяйство в упадок пришло. Домишки покосились, скот вымер, по амбарам ветер гуляет... Как зайдешь в такую местность, уноси ноги. Значит, упыри завелись и все село к себе перетаскали.

Я поежилась. Только мы все начали успокаиваться, как пришел этот дядька и развел вредную пропаганду. Санитар почувствовал мой враждебный взгляд и, откинувшись назад, захохотал, причем как-то нехорошо захохотал.

– А вы же сказали, что вампир – это ребенок от нечистой силы, – робко напомнила я.

– И так бывает, только мало таких. Больше заложных покойников, – непонятно ответил санитар.

– Это как? – спросили мы хором с криминалистом.

– Кто заложный? Заложные покойники – это нечистые покойники, самоубийцы разные, кто неестественной смертью умер...

– Все, что ли, кто умер насильственной смертью? Тогда тут их полный морг, – заметил в сторону Георгий Георгиевич.

– А вот и не все. Самоубийцы, бывает, заложными становятся. Колдуны всякие. Палачи тоже, если умрут, то заложными.

– Палачи в прямом или в переносном смысле? – уточнила я. А санитар, похоже, занесло. На мою иронию он внимания не обратил.

– Их ведь на христианских кладбищах не хоронят, за оградой закапывают, как собак. Отчего бы это, а?

– Отчего? – мы ждали продолжения.

– Оттого, – разъяснил санитар, – что на кладбище упырям хода нет. А за оградой – бери не хочу.

– Так откуда вампиры себе новых вербуют? – не унимался криминалист. – Из живых или из мертвых, кого за оградой кладбища закопали?

– Все хиханьки? – обиделся санитар. – Посмеетесь еще. Я ж говорю, они как пойдут кусать, вся деревня вурдалаками становится. Днем спят, а ночью выходят. Света они боятся...

Я недоверчиво смотрела на санитаря. Георгий Георгиевич тоже покосился на него и вкрадчиво спросил:

– Что ж ты, сам такие селения видел? Где одни упыри?

– Видел? Да что «видел»? Да я сам... – начал было посерьезневший санитар и осекся. Сам налил себе в стопочку остатки коньяка, быстро опрокинул себе в рот и поднялся.

– Пойду. Надо с каталок народ рассортировать, в холодильник пристроить...

– А нашего положите в холодильник? – спросила я, все еще ежась от его мрачных рассказов.

– А вашего-то зачем? – неприятно осклабился санитар уже в дверях. – Упыри – они тлению не подвержены. Не разлагаются. Как живой будет.

После того как санитар вышел, осторожно притворив за собой дверь, мы переглянулись. Сон с меня слетел от этих страшных рассказов, а компаньонам моим, похоже, коньяк в горло не лез. Во всяком случае, они вертели в руках полные стопочки, но не подносили их ко рту. Георгий Георгиевич и вообще вскоре отставил свою. Все молчали, потом он поднялся и сказал:

– Я ж смывы у него с пасти так и не взял. Пойду, марлечкой помажу, вдруг кровь.

– С тобой сходить? – тихо спросил криминалист Витя, и доктор благодарно кивнул.

Я на секунду представила, что они уходят в секционную, а я остаюсь тут одна, среди вампиров и заложных покойников, и решительно поднялась.

– Я с вами.

Мы дружно отправились в секционную, где все еще была включена синяя лампа, но при ярком верхнем свете даже покойник не казался таким страшным, как раньше. А может, я сама смотрела на него уже другими глазами, прозрев от суеверий.

Доктор старательно тер влажной марлечкой оскал покойника, марлечки потом сложил в конвертики, надписал их по всем правилам и стал оглядываться в поисках понятых, которые должны были поставить свои подписи. Я тоже спохватилась, что и в протоколе дополнительного осмотра трупа не вредно бы расписаться понятым, и отправила криминалиста за санитаром, втайне надеясь, что тот еще в состоянии удержать в своей дрожащей руке стило. Кроме того, зная, что в морге – два санитаря, я рассчитывала, что через полчаса придет на работу второй и тоже везде где нужно распишется.

Криминалист ушел и пропал.

Мы с доктором лениво обсудили живучесть древних суеверий, посмеявшись над нашей готовностью признать, что мы только что по правилам науки криминалистики осмотрели тело выходца из преисподней; потом поговорили о погоде, потом о здоровье и, исчерпав все светские темы, в изнеможении замолчали. Я вытащила из угла секционной полуразвалившийся стул и присела к столу, на котором лежал труп; не в силах больше сопротивляться подступающей дремоте, я склонила голову на сложенные руки и прилегла в опасной близости от покойника. Георгий Георгиевич с завистью посмотрел на меня, но, поскольку стул в секционной был только один, он присел на корточки в углу и, похоже, задремал там.

Тем, кому приходится работать ночами, знакомо это чувство падения в бездну, стоит хоть на мгновение прикрыть глаза. Проваливаешься и летишь куда-то, и этот полет прерывает чей-то грубый возглас, от которого приходишь в себя и с трудом соображаешь, где ты, что происходит и сколько времени ты находишься в отключке. При этом, еле разлепив глаза и обнаружив, что вокруг полно народу, обычно ради приличия делаешь вид, что и не спал вовсе, а просто задумался.

Грубый возглас раздался по всем канонам жанра. Я подняла голову и встретила глазами с заведующим моргом, Юрой Щегловым. Щеглов, склонившись надо мной, участливо смотрел на мои растрепанные волосы, слегка потекшую с ресниц тушь и отпечатавшийся на щеке след от наручных часов. Я, конечно, могла только догадываться, как выгляжу со стороны, но не сомневалась, что дело обстоит именно так. Сам Юра был в белом хрустящем халате, из-под которого виднелись такая же свежая хрустящая рубашка и яркий галстук.

– С добрым утром, – душевно сказал он, заметив, что я открыла глаза. – На работе спать нехорошо.

– А сколько времени? – пробормотала я, лихорадочно роясь в стоящей у моих ног сумке в поисках зеркала. Достав пудреницу, я осмотрела себя и содрогнулась: все было именно так, как я и предполагала: и тушь потекла, и часы вдавились в щеку, оставив на ней замысловатый рельеф. За спиной Щеглова маячил молчаливый санитар в жеваном халате. Его я знала; кажется, его зовут Валера. Оба они пялились на мою заспанную физиономию; надо было срочно их отвлечь.

– Сколько времени? – повторила я более настойчиво.

– Восемь, – с прежней душевностью ответил Юра. – Что за тошнотворного уroda вы привезли?

– Вампира, – подал голос Георгий Георгиевич, с хрустом распрямляя затекшие коленки и поднимаясь навстречу Щеглову. Они обменялись рукопожатием и обратили взоры на покойника.

– Смотри-ка ты, – меланхолично заметил Юра, – еще и кол ему в сердце вогнали! А почему вы решили, что это вампир?

– Ну-у, – протянули мы с доктором и переглянулись, не зная, что и сказать. Не про когти же говорить...

Юра тем временем наклонился к трупу, внимательно рассматривая его.

– У него какая-то кожная болезнь, – пробормотал он. – Смотрите, кожа совсем истонченная, пергаментная, в язвах, и поражены как раз те участки, которые подвергаются воздействию света: лицо и руки.

– Ага, – поддакнула я, – а почему вампиры света боятся?

– Маша, – Юра строго посмотрел на меня, – не дури мне голову. Ты же знаешь, что вампиров не бывает.

– Конечно, знаю. Давай его скорее вскроем, пока я здесь. Хочу убедиться, что он помер окончательно и бесповоротно.

– Кто бы спорил, – пожал плечами Юра. – Сейчас раскидаем покойничков и определимся, кому с ним работать.

Он направился к выходу из секционной, сопровождаемый безмолвным Валерой, но на полдороге остановился и махнул рукой:

– А чего мелочиться, давай, я сам его и вскрою. Только трупы распишу по экспертам...

Я обрадовалась. Это был идеальный вариант. Правда, еще полчаса назад я и не помышляла оставаться на вскрытие, поскольку искренне намеревалась к началу рабочего дня вернуться в прокуратуру и сдать чертово обвинительное. Но присутствие на аутопсии было такой замечательной отговоркой, такой уважительной причиной, чтобы не ехать в контору и не садиться за компьютер, что удержаться было просто невозможно.

– Юра, можно я от тебя позвоню? – попросила я Щеглова, двигаясь за ним. Надо было разбудить ребенка в школу и предупредить шефа, что сдача дела отодвигается на неопределенный срок и совершенно не по моей вине, а вовсе даже по его собственной, поскольку именно он заслал меня на это происшествие.

Георгий Георгиевич прохаживался по секционной, разминая затекшие конечности.

– Маша, ты понятых-то пошукай там, – негромко проговорил он мне вслед.

– Елки зеленые! – я вспомнила, что ушедший за санитаром криминалист пропал куда-то; а протокол между тем не подписан. – Юра! – обратилась я к Щеглову. – А где ваш второй санитар? Я его хотела записать в понятия.

На мои слова они обернулись разом – Щеглов и Валера. И хором же спросили:

– Какой второй санитар?!

– Такой приземистый мужичок алкоголического вида. Он тут всю ночь болтался с нами, про вампиров ужасы рассказывал.

Щеглов и Валера озабоченно переглянулись.

– Та-ак, – протянул Щеглов. – Опять бардак?! Опять он тут шляется?! Маша, у нас нет второго санитара.

В состоянии полнейшей деморализованности я добежала до кабинета заведующего моргом, набрала свой домашний номер, услышала недовольный голос пробудившегося Хрюндика, стонавшего о несчастной детской доле, ласково, но твердо призвала его срочно встать, умыться и одеться без посторонней помощи, позавтракать и стартовать навстречу знаниям. Про себя я понадеялась, что маньяк, всадивший кол в свою жертву сегодня ночью, отсыпается в своем логове и не выйдет на охоту раньше наступления темноты.

Шефу звонить было еще рано, поэтому, чтобы скоротать время, я занялась выяснением актуальной проблемы о том, кто дурил нам голову в течение кошмарной ночи, прикидываясь работником морга.

Помявшись, Щеглов объяснил мне, что санитар у них всего один – вот он, Валера. Стоявший за его спиной Валера кивком головы подтвердил слова шефа. И так и кивал в дальнейшем, свидетельствуя, что заведующий танатологическим отделением все говорит по делу.

А заведующий танатологическим отделением говорил о том, что вакансия второго санитара пустует у них уже около года. С тех пор как на это золотое место был объявлен конкурс, народ почему-то валом не повалил; поэтому пришлось взять первого попавшегося, с испытательным сроком. Первый попавшийся производил впечатление страдающего если не хроническим алкоголизмом, то уж, во всяком случае, бытовым пьянством, но за дело взялся рьяно. И сотрудники были вполне им довольны, аккурат до того мгновения, пока один из экспертов, припозднившийся на службе, чтобы дописать срочное заключение, не спустился в неуточное время в секционную подобрать там забытые во время вскрытия записи.

В пустом полутемном помещении морга он застучал нового санитара, производившего какие-то непонятные манипуляции со свежевскрытым покойником. Что за манипуляции, эксперт не разглядел; санитар, обнаружив чье-то присутствие, резво ретировался и исчез в коридорах морга. Эксперт не стал проводить собственное дознание, а добросовестно доложил об увиденном руководству морга. Руководство морга в лице Юры Щеглова страшно перепугалось, поскольку хорошо себе представляло, какие последствия может повлечь прием на работу в их богоугодное заведение человека с психическими отклонениями в виде, например, некрофилии.

– Только этого нам не хватало, – тихо говорил Юра. – Даже если он просто зубы золотые выковыривал у жмуриков, и то неприятностей не оберешься. Вызвал я его и уволил. И двух недель мошенник не проработал.

Санитар покорно собрал вещички и испарился. Но только после его увольнения стали происходить интересные вещи: дежурившие эксперты и охрана замечали по ночам присутствие в морге кого-то постороннего. Охрана клялась, что дверь никому не открывала, эксперты и подавно не впускали никого с улицы, а между тем кто-то бродил по моргу, открывал холодильник, переставлял каталки, перекладывал оставленные в коридоре трупы.

– В общем, Маша, на выбор – то ли это полтергейст, то ли санитар уволенный. Небось пока работал, успел ключи сделать себе от всех ходов-выходов, вот и пользуется, псих несчастный, чтоб его разорвало. – Юра горестно качал головой.

– А почему вы замки не сменили? – наивно поинтересовалась я, и Юра вздохнул.

– А ты представляешь, во что бы нам это обошлось? Нет, об этом даже думать не хочется. А потом... – Юра помолчал. – В общем, я прикинул: ну, какой нам от него убыток? Трупы все на месте, зубы у них в целостности и сохранности, у сотрудников ничего не пропадает... Ну так пусть себе по моргу шарится, если ему так хочется. В общем-то он безвредный.

Я сначала ужаснулась такой легкомысленной позиции: ничего себе, посторонний с признаками психической болезни несанкционированно проникает в морг, имеет доступ в закрытые помещения, типа кабинета заведующего или холодильника, где хранятся тела, а начальство машет на это рукой. Но потом представила, как Юра поднимает панику по этому поводу, обращается в милицию, признается начальнику бюро в том, что кто-то якобы лазает ночами по вверенному ему отделу. Начинается разбирательство, в ходе которого таинственного пришельца отловить не удастся, зато история получает огласку, газеты вопят о бардаке в бюро судебно-медицинской экспертизы, где скандалов хватает и без этого, а в результате именно Юра получает по шапке хотя бы потому, что надо кого-то показательно распясть.

Может, в Юрином молчании и были резоны.

– Маша, только я тебя очень прошу, не говори никому. – Юра умоляюще заглянул мне в глаза. – Об этом знает только ограниченный круг лиц. Я, Валера и еще пара-тройка человек. Даже Стеценко твой не знает, правда.

– То-то я смотрю, Сашка мне ничего не говорил.

– Правда, Маша, он про это не знает.

Щеглов смотрел на меня так жалобно, что сердце мое не выдержало.

– Ладно, – буркнула я. – Не скажу. Если ты вскрыешь мой труп без очереди и лично.

– Твой труп вскрывать не буду ни при каких обстоятельствах, – привычно поправил меня завморгом. – Рука дрогнет.

– А ведь когда-то обещал, – вздохнула я.

– Был молод, горяч. – Юра развел руками. – А к старости становлюсь сентиментален. Но труп, который вы привезли с места обнаружения, вскрыю из личного почтения к тебе. Звони, куда ты там еще собиралась, а я пока вскрытия распишу.

Он взял журнал, куда записывались задания экспертам, а я сняла телефонную трубку и проинформировала прокурора о результатах выезда. Шеф деликатно не обмолвился и словом про несданное обвинительное заключение и полностью одобрил мое решение присутствовать при вскрытии. Более того, разрешил после этого не приезжать на работу, велел отдохнуть.

– Обвинительное сдадите послезавтра, – благородно распорядился он.

Конечно, Владимир Иванович был добрым человеком, но плюс к этому неплохо знал психологию вообще и личностные особенности своих сотрудников в частности. После его великодушных слов мне страстно захотелось плюнуть на упадок сил, вернуться на работу и срочно накропать обвинительное заключение.

– Ну что, пошли? – оторвал меня от благочестивых мыслей Юра. Он уже облачился в клеенчатый фартук и позвонил по местной связи фотографу, пригласив его в секционную. Взяв меня под ручку, он двинулся туда же, ведя по дороге светский разговор о том, сомневаюсь ли я в причине смерти нашего клиента.

– Нет ли у тебя оснований полагать, что он был отравлен или, к примеру, угорел перед тем, как ему в грудную клетку зафигачили эту дубину? – участливо спрашивал он, и я ему вторила:

– Нет, Юрочка, я даже не думаю, что он был отравлен после того, как в него зафигачили кол. И еще я просто обязана поставить тебя в известность – я даже не думаю, что он пал жертвой криминального аборта или захлебнулся грязью в канаве.

С шутками-прибаутками мы добрались до места предстоящей работы, и я предупредила Щеглова, что в большей степени, чем ясная в принципе причина смерти, меня интересует содержимое желудка трупа.

– Ну и, естественно, все, за что можно зацепиться в плане установления личности.

– Ну да, он еще и неизвестный, – кивнул Юра. Я не сомневалась, что все антропологические характеристики будут изложены в акте вскрытия в лучшем виде.

Лаборантка с пишущей машинкой и фотограф уже ждали нас в секционной, я искала глазами, куда бы мне пристроиться, чтобы видеть как можно меньше; Юра привычно поострил на тему о моей профнепригодности – «следователь должен уметь сам в случае необходимости вскрыть покойника» – и привел в пример Шерлока Холмса, исправно посещавшего мертвецкие.

– Ты, кстати, ведь была в Лондоне? – поинтересовался он, потряхивая окровавленными руками в резиновых перчатках. Я подтвердила, что была. – А на квартиру Шерлока Холмса не ходила?

– Нет, мы в Лондоне были полдня, почти проездом. Нас только в «Тюссо» водили. А что?

– Сходи, не пожалей. Впечатление – сногшибательное. Наши люди почему-то думают, что если они видели кино про Шерлока Холмса, то, значит, имеют представление о лондонских мебелишках конца девятнадцатого века.

– А что, в кино не так?

– Абсолютно не так. В кино у него хоромы. А в действительности великий сыщик в своей гостиной еле мог ноги вытянуть.

– Да? – рассеянно переспросила я. На самом деле мне было не до жилищных условий великого сыщика, хотя в другое время я с удовольствием поболтала бы с Юркой на эту тему. Сейчас меня интересовали более современные проблемы: как установить личность трупа с колом в грудной клетке, кем бы он ни был – добропорядочным налогоплательщиком или вампиром.

Юра тоже забыл про Шерлока Холмса и размеренно диктовал лаборантке:

– ...Переломы ребер со смещенными внутрь осколками; сердечная сумка повреждена вдоль межжелудочковой борозды, отделен правый желудочек сердца, раневой канал заканчивается повреждением шестого-седьмого ребер по околопозвоночной линии, со смещением отломков кзади в мышцы спины. Края разрушенных мышц сердечной сумки правого желудочка сердца неровные, с дополнительными радиальными разрывами. В сердечной сумке около трехсот... Записала?

Лаборантка стучала по клавишам пишущей машинки с сумасшедшей скоростью. Она кивнула, не поднимая головы от клавиш, и Юра продолжил:

– Значит, в сердечной сумке около трехсот, а в левой плевральной около четырехсот миллилитров темно-красной крови в виде свертков... Это то, что касается повреждений. Ну вот, Маша, мы добрались до интересующего тебя момента.

– До желудка?

– Юля, пиши, – обратился он к лаборантке, которая и так не переставала печатать, – в желудке около двухсот миллиграммов темно-бурого... слегка сгущенного... содержимого... с темно-бурыми свертками крови.

– Что? – переспросила я, не веря своим ушам, и Юра сам притормозил, осмысливая только что увиденное. – Ты хочешь сказать, что у него в желудке – кровь?

– Подожди-ка. – Юра выпрямился. – Похоже на кровь. Но вообще-то это может быть следствием внутреннего кровотечения. Если у него была язва...

Он согнулся над развороченным телом и уткнулся носом в желудок трупа. А распрямившись, продиктовал лаборантке:

– Запиши, что слизистая оболочка желудка – розовато-серая, чуть пропитавшаяся кровью, блестящая, складчатая, без каких-либо дефектов.

Повернувшись ко мне, он пояснил:

– Это означает, что не было у него никакого заболевания, могущего повлечь внутреннее кровотечение.

– А почему в желудке кровь? – спросила лаборантка, заправляя в машинку новую страницу.

– Почему? – медленно переспросил Юра. – Потому что он незадолго до смерти выпил довольно большое количество крови.

– Да, я слышала, что люди пьют свиную кровь. Или бычью, – поделилась лаборантка. – Якобы для желудка хорошо и для потенции.

Я покинула свой укромный уголок и приблизилась к трупу, кинув опасливый взгляд на его разверстые внутренности.

– Юра, а что кроме крови в желудке?

– Больше ничего. Правда, Маша, ничего больше. Юля, запиши: кусочков пищи среди содержимого желудка не обнаружено. Да, Маша, а если это не свиная кровь?

– Мы ведь с тобой знаем, что вампиров не бывает, – поддела я его. Похоже было, что теперь Юра хотел убедить меня в том, что на столе перед нами – вампир, пьющий кровь.

– Юра, возьми содержимое желудка. Надеюсь, можно установить, чья это кровь – свиная или человеческая. По крайней мере, сто лет назад это делали...

– Сделаем. – Юра так разволновался, что оставил без внимания мой сарказм. – И даже группу тебе установят. И половую принадлежность, кровь достаточно свежая.

– А скоро?

– Имей совесть, – укоризненно сказал Юра. – И вскрой тебе без очереди, и кровь прокрути. Ты не одна в Питере, другие следователи тоже к нам имеют вопросы.

– А тебе самому не интересно? – провокационно спросила я, и Щеглов не устоял.

– Ну ладно, ладно. Ну, получишь ты завтра заключение, что кровь свиная, – легче станет?

– Без сомнения. А что по личности?

– Ну, ты же сама видишь. Особых примет нет.

– Юра! – я потрясла его за плечо. – А его рожу ты не считаешь особой приметой?

Юра меланхолично оглядел жуткую физиономию покойника.

– Ну и что? – спросил он. – Ну, страшный.

– Ты же сам говорил, что у него какое-то кожное заболевание. Надо запросить кожные диспансеры, всех практикующих дерматологов, проконсультироваться, что это за заболевание – реакция кожи на свет...

– Понятно. Уже загорелась. У тебя других дел нету?

Пока Юра меня воспитывал, лаборантка и фотограф одобрительно кивали головами. Я разозлилась.

– А что ты мне предлагаешь? Похоронить и забыть?

– Да ты сама посуди: сколько ты сил угрожаешь на этих дерматологов и все без толку.

– Почему же без толку?

– Потому что тебе это ничего не даст. Ты как собираешься – сама их обходить? Запросы рассылать? Помощников использовать? Тебе армия понадобится.

– Ну хорошо, а что мне делать?

– Ладно, если ты хочешь, – Юра сделал драматическую паузу, чтобы я прочувствовала, как я ему обязана, – можно вызвать дерматолога. Проконсультироваться.

Я прочувствовала, а потом язвительно спросила:

– И это все, что ты можешь мне предложить?

– А что еще? – Юра поднял брови домиком. – Кто тут следователь?

Я сменила тактику и попыталась подлизаться. А что мне еще оставалось, когда мой персональный доктор Ватсон ловит кайф на курсах повышения квалификации за пределами родного города и долго еще будет ловить.

– Юрочка, – я взяла его под руку и прижалась к плечу, – ты же такой опытный доктор... И умный к тому же... Посоветуй мне что-нибудь, у меня полный тупик.

Юра через мою голову кинул взгляд на тело, задержавшись на кистях рук.

– Ну, я подумаю. Кстати, сомневаюсь, что ты получишь качественные отпечатки рук. Уж больно у него кожные покровы поражены.

– Вот именно, – поддакнула я, – на пальцы рассчитывать не приходится. Если это страшилище показать по телевизору, наш питерский канал лишат лицензии. Значит, что?...

– Что? – эхом откликнулся Юра.

– Одна надежда на великую науку – судебную медицину.

Видимо, я вложила столько страсти в эту фразу, что Юра почти замурлыкал.

– Машка, только ради тебя. Приезжай завтра утром, соберем консилиум.

– А сегодня? – пробормотала я, но Юра повел меня куда-то. Я послушно пошла за ним до угла секционной, где на стене над раковиной висело маленькое небьющееся зеркальце. Он подвел меня к зеркалу и легонько встряхнул за плечи, повернув мою голову к отражению.

– Что? – уточнила я, осознав, что у меня заплетается язык.

– Посмотри на себя, Машенька. – Голос Юры доносился как сквозь вату; интересно, почему это, подумала я. – Посмотри, если у тебя еще глазки открываются. Ты же спишь на ходу; сколько ты уже на ногах?

В общем, меня чуть было не погрузили в машину и не повезли домой. Я поддалась бы на провокацию, если бы не стала складывать по порядку листы протокола дополнительного осмотра трупа и не обнаружила, что подписей понятых в протоколе до сих пор нет. Соответственно, я сразу вспомнила (очень своевременно), что пропал криминалист, посланный за «санитаром».

И тут мне стало так нехорошо на душе, что весь сон как рукой сняло. Пока я была уверена, что мы имеем дело с настоящим работником морга, длительное отсутствие криминалиста легко списывалось на его природную нерасторопность, на алкогольное опьянение, на внезапно заболевший желудок, наконец. Но теперь, когда я знала, что по моргу бродит психически больная личность, к тому же надувшаяся коньяку, и что пропавший криминалист был откомандирован как раз к этой личности на свидание, у меня похолодел позвоночник.

Отвергнув ожидающую меня для доставки домой машину, я бросилась к Юре на грудь, умоляя помочь найти криминалиста и ссылаясь на то, что без него я никуда не поеду. Сердобольный Юра отрядил на поиски настоящего санитара – Валеру, который добросовестно прочесал все потаенные закоулки морга, но пропавшего криминалиста не обнаружил.

Щеглов еще некоторое время пытался убедить меня в том, что криминалист – взрослый дяденька и вполне мог без спроса отбыть домой или на работу. Я тут же настояла, чтобы позвонили и туда, и туда, и убедилась, что потеряшки нет ни дома, ни на работе. Прихватив с собой Георгия Георгиевича, покорного судьбе, я таскалась по коридорам морга, заглядывая в каждую секционную, посмотрела даже в холодильнике, под скептической ухмылкой санитара Валеры, но злосчастный криминалист как в воду канул.

И вот, как раз в тот момент, когда мне надоело мотаться взад-вперед, то и дело натыкаясь на каталки с новопредставившимися, осевшими, как в чистилище, между внешним миром и секционными, я поскользнулась на кафельном полу и налетела на одну из стоящих вдоль стены каталок. Если бы меня не придержал за руку Георгий Георгиевич, я плюхнулась бы на покойника плашмя, но благодаря дружеской поддержке эксперта всего лишь врезалась в ноги трупа и испачкала свою одежду. Чертыхнувшись сквозь зубы, я понеслась в кабинет к заведующему отмывать черный мазок с пиджака и терла его губкой до тех пор, пока Юра, заглянув

мне через плечо, не заявил авторитетно, что пиджак я могу отправить нуждающимся детям Африки, поскольку мазут никогда с него не отмоется.

– Мазут? – ужаснулась я и теперь уже вместе с Юрой побежала к каталке, на которой лежал труп в обуви, запачканной мазутом.

Запыхавшись, я затормозила в паре метров от каталки, поскольку глаз мой зацепился за чуждый в этой обстановке предмет, свисавший с металлической ручки. Вообще-то сюда стараются не привозить усопших вместе с принадлежавшими им ценными вещами, поскольку ценные вещи имеют обыкновение пропадать, а родственники усопших имеют обыкновение их требовать с работников морга. Поэтому все, что возможно, оставляют родным, следователям, на худой конец, бросают на месте происшествия. А дорогой японский фотоаппарат, висящий на ручке каталки, я уже видела – в руках у пропавшего криминалиста. И ботинки на ногах у этого тела были испачканы мазутом, и я даже знала, где они испачкались...

Юра за руку подтащил меня к каталке, и я с ужасом взгляделась в лицо лежащего на ней. Сколько лет работаю следователем, а до сих пор не представляю, как люди опознают трупы своих близких, – это ведь надо подойти, хладнокровно всмотреться в мертвое лицо, уму непостижимо!

Отвернувшись к Юре, я даже зажмурилась. Конечно, это был наш криминалист Витя, тихий и незаметный, в компании которого мы провели почти половину суток. В ушах у меня зазвенело, и я оперлась на Юрину руку. Никогда раньше я не теряла сознания при виде трупа, а вот теперь перед глазами запрыгали звездочки и поплыл на меня потолок.

– Маша, ты уверена? – донесся до меня далекий Юрин голос. Щеглов ласково похлопывал меня по щекам, приводя в чувство. – Это он, ваш криминалист?

– И ты еще говоришь, что этот ваш самозванец – безвредный?! – праведное негодование придало мне сил.

– Да понял я, что был не прав, давно надо было им заняться, – бормотал Юра, прислонив меня к стеночке и проделывая с лежащим на каталке телом всякие докторские манипуляции: зачем-то брал его за руку, клал пальцы на шею, там где сонная артерия.

Я превозмогла себя, наклонилась, чтобы лучше рассмотреть бледное лицо, и вздрогнула: на фоне восковой кожи шеи темнели четыре пятнышка, четыре засохших капельки крови, такие же, как на жертвах вампира, найденных нами раньше.

Потянув Юру за рукав, я пальцем показала на эти пятнышки, и Юра нахмурился:

– Укус?

У меня в ушах опять зазвенело.

– Знаешь, Юра, пойду я, пожалуй. – Я нерешительно отделилась от стеночки и черепашным шагом двинулась по коридору, моля Бога, чтобы он не дал мне упасть на кафельные плитки.

– Маша, крикни там кого-нибудь мне на помощь, – попросил Юра мою спину, – похоже, что парень живой еще.

Только дойдя до кабинетов руководства морга, когда противный звон в ушах прекратился, я осознала, что криминалисту еще можно помочь. Но и без моих призывов сбежавшиеся эксперты уже всю реанимировали Витю.

Я без сил опустилась на диванчик в Юрином кабинете. Из коридора доносились гул голов, озабоченные выкрики, отрывистые команды. Потом все стихло, и я с замиранием сердца слушала приближавшиеся шаги. Щеглов вошел в свой кабинет и присел рядом со мной на диванчик.

– Отправили его через забор, – поделился он, вытягивая ноги и откидываясь на спинку дивана. – В Мечникова, даст бог, выкарабкается.

– Господи, Юра, что с ним сделали? – в ужасе спросила я, вспомнив четыре темных пятнышка на шее криминалиста. То, что сказал Юра, меня не успокоило.

– У него серьезная потеря крови, литра три. Хорошо, что ты его нашла; пролежи он еще чуть-чуть, никто бы уже не помог.

– Послушай, а от чего кровопотеря? Если человек так быстро истек кровью, значит, где-то должна быть громадная рана?

– Ты понимаешь, – Юра поднял голову со спинки дивана, – нет на нем никаких ран.

– А четыре пятнышка на шее?

– Да, пятнышки были. На них мы обратили внимание. Но даже если его не вилкой ударили, а укусили в шею, – от Юриной интонации у меня мороз пошел по коже, – от этого повреждения он не мог потерять столько крови. Ты же видела, там засохшие капельки на проколах кожи.

– Хорошо, а что же с ним произошло?

– Не знаю.

Юрка закрыл глаза и снова откинулся на спинку дивана. А я встала и подошла к окну. На улице слегка просветлело; на черную осеннюю землю мягко падали уютные снежные хлопья, и совершенно не верилось ни во что плохое.

Я отвернулась от окна.

– Юра, у вас в коридоре лежат еще два трупа с такими же повреждениями шеи. Вскрой их, пожалуйста, при мне.

– А они из твоего района? – Юра недовольно приподнял голову. – Ты же знаешь порядок.

Я решила не сдаваться.

– Если ты тоже знаешь порядок, ты немедленно сообщишь в милицию о вашем чудном «санитаре», примешь меры к возбуждению уголовного дела по факту причинения вреда здоровью и вызовешь следователей для участия во вскрытии тех трупов, о которых я говорю.

– Зануда, – пробормотал Юра, нехотя вставая с дивана, – но ты права. Звоню в милицию.

Наскоро перекусив, следующие два часа мы занимались тем, что пытались организовать расследование по горячим следам, но немного в том преуспели. Городская прокуратура с любопытством выслушала наши рассказы о кошмарном трупе с обнаженными клыками и колом в груди, однако не более того. Мифические пятнышки на шеях покойников, доставленных из разных районов, их не особо впечатлили, а на происшествии с криминалистом зональные вовсе утратили к нам интерес.

– Живой? Милицейская подследственность, – был вынесен непререкаемым тоном вердикт, после чего трубку повесили.

– Ах так, – сказала я под насмешливым Юркиным взглядом, с ненавистью глядя в трубку, как будто из нее высовывался ядовитый язык зонального прокурора, – еще пожалеете. Знаешь, что будет дальше? – обратилась я к заведующему моргом.

– Как будто это секрет, – вздохнул он. – Ты выклянчишь все эти дела себе в производство, изнасилуешь тут всех нас, домогаясь экспертиз и консилиумов, будешь ночевать на работе, пропустишь свое бракосочетание со Стеценко, и он женится на каком-нибудь более разумном следователе из тех, кто с удовольствием спихнет тебе свои дела.

– А вдруг все эти дела в производстве исключительно у мужчин? – спросила я, неприязненно глядя на Щеглова. – И вообще, как ты можешь в такой ситуации упражняться в остроумии?

– А у меня каждый день такая ситуация, – снова вздохнул он. – Ну, через день. Господи, скорее бы уж Стеценко приехал и унял тебя.

– Ты, балда, не понимаешь, что я – твое единственное спасение. Кто еще будет тебя отмазывать от вполне заслуженных шишек по поводу кадрового разгильдяйства? Твои разумные следователи, которым все на свете все равно?

– Заранее спасибо, – буркнул Юра. – Так что делать с теми трупами-то? При тебе вскрывать?

– Естественно. Я потом их все равно дожду, отдадут мне все дела, никуда не денутся.

– Я вот пытаюсь понять, кого мне больше жалко – твоего шефа или твоего будущего мужа, – сделал Щеглов робкую попытку оставить за собой последнее слово.

– А какого дьявола ты уснул единственного человека, способного меня унять, в тьмутаракань на курсы повышения? Нам пришлось бракосочетание переносить из-за этого, – огрызнулась я.

– Да ты не понимаешь, ненормальная, что из его категории он один не ездил. Тогда бы поехал после свадьбы. Лучше, что ли, вам было бы медовый месяц переносить?

– Убедил, – сдалась я. – Но ты мне зубы не заговаривай, кто вскрывать будет?

– А вот возьму и сделаю тебе подлянку, – проворчал заведующий, усаживаясь за свой стол и открывая журнал вскрытий, – пусть обоих одновременно в двух секционных режут, да одна подальше от другой, вот и побегаешь, любопытная Варвара.

– И побегаю, только на отмазку уже не рассчитывай.

– Ладно, я не такой гадкий. Пусть вскрывают их одновременно, но в соседних секционных. Тебе же не надо процесс наблюдать от А до Я, только ключевые моменты?

Меня это вполне устроило, и понеслись вперед мои вторые сутки на боевом посту, откуда только силы взялись. К сожалению, я понимала, что этот трудовой марафон мне откликнется жестоким упадком сил и депрессией, но пока что пепел Клааса стучал в мое сердце, и я носилась из одной секционной в другую, терзая экспертов, и без того озадаченных происходящим. Потом пришлось отвлечься еще и на Щеглова.

Под моим нажимом Юрка все-таки позвонил в районное управление внутренних дел, и не прошло каких-то трех часов, как в морг заявился вальяжный милицейский следователь с папочкой под мышкой. Он прошел к заведующему, лениво выслушал рассказ о загадочном исчезновении криминалиста и о его чудесном обнаружении в обескровленном виде, после чего, влекомый на аркане заведующим моргом, бегло взглянул на злосчастную каталку и... отбыл, покачивая внушительными бедрами. Свою папочку он при этом так и не открыл ни разу, вызвав у нас стойкое убеждение, что она бутафорская.

Обернувшись на пороге, он сказал, что, пока не будет заключения врачей о степени тяжести вреда здоровью, причиненного потерпевшему, он и пальцем не шевельнет. А такое заключение, практика подсказывала, будет готово не раньше, чем через неделю, о чем Щеглов не преминул напомнить следователю и с надеждой его спросил, не желает ли он уже на этой неделе допросить свидетелей, составить протокол осмотра места происшествия и произвести какие-либо другие следственные действия, предусмотренные действующим законодательством.

Но следователя таким грубым ходом было не просто выбить из седла. Он обдал Юрку, а заодно и меня, высунувшуюся из-за Юркиного плеча, взглядом, в котором явственно читалось: «Больно умные», и снисходительно разъяснил, что, когда он получит справку о тяжести вреда здоровью и соответственно определится с квалификацией содеянного, вот тогда и приступит к следственным действиям, предусмотренным действующим законодательством.

Юрка в пререкания вступать не стал, ответил долгим философским взором, настолько выдержанным, что следователь даже при желании не понял бы по нему истинного Юриного отношения ко всему этому. Зато, когда следователь, бережно неся свою бутафорскую папочку, скрылся за дверью, отделяющей танатологов от всего прочего мира, Юра обернулся ко мне и спросил, причем даже без сарказма, а просто с грустью:

– Ну что, съела?

Крыть мне было нечем. Я развернулась на каблуках и пошла в секционные, по пути пытаюсь понять, зачем такие люди становятся следователями. Ну форменное обмундирование, ну проезд бесплатный, ну пайковые там всякие... Но неужели только за этим?...

Душевное равновесие вернулось ко мне лишь при общении с экспертами. Юрка не поспешил и выделил мне самых моих любимых специалистов – толстого, но милого Панова и Марину Маренич. О большем я и мечтать не могла.

Пока эксперты, колдуя над объектами исследования, добирались до самого сокровенного, я в коридоре штудировала анамнез обоих объектов. Анамнез ничего утешительного не содержал.

Товарищ, доставшийся толстому, но милому Панову – дяденька с пролетарской внешностью, – найден был довольно далеко от канавы, из которой мы ночью выудили мужика с колом в груди. Личность его, как следовало из сопроводительных документов, установлена не была. Обнаружили его в проходном дворе старого дома с расселенным флигелем – вот, пожалуй, единственное, что как-то связывало его с нашим вампиром. В протоколе осмотра места происшествия, накорябанном торопливой рукой участкового, было указано, что лежал бедолажка лицом вниз и внешних признаков насильственной смерти не имел. Вполне логично заподозрив алкогольную интоксикацию или в крайнем случае черепно-мозговую травму в результате падения с высоты собственного роста, что редко, но все-таки случается не только в милицейских мечтах, но и в реальной действительности, участковый не стал вызывать прокуратуру и судмедэксперта, а ограничился труповозами. В конце концов, как поется в древней студенческой песенке, «патанатом – лучший диагност». Поэтому нам оставалось только гадать: были ли на шее несчастного работяги в момент осмотра тела участковым пресловутые четыре пятнышка или они появились позже, и если позже, то когда?

Дотошный Панов, несмотря на свою внушительную комплекцию, летавший по моргу, как бабочка, углядел-таки на теменной части головы работяги небольшую гематомку, но после трепанации заверил меня, что признаков черепно-мозговой травмы нет.

– И что это значит? – задала я дежурный вопрос.

– Прочитай-ка мне еще раз протокол, – попросил Панов, кружа возле прозекторского стола, словно не зная, с какой стороны подобраться к этому загадочному случаю.

Я старательно огласила пассаж про то, что клиент на момент обнаружения располагался лицом вниз, и Панов согласно хмыкнул.

– Да у него и одежда опачкана только спереди, и на физиономии отпечаток рельефа местности. Он не падал на затылок, это наркоз.

– Какой наркоз? – не поняла я.

– Обыкновенный, немедикаментозный. Ну, наркоз по голове. Знаешь, как раньше, в глухие времена, на поле брани воинов чинили? По башке обухом дадут, пациент в отключке, а ему в это время ногу ампутируют.

– Ужас, – я содрогнулась, а Боря тыльной стороной согнутой руки погладил меня по голове, стараясь не запачкать кровью.

– Беденькая, неужели ты еще не привыкла к этим ужасам? Скоро на заслуженный отдых, а ты все как девочка...

Я злобно выдернулась из-под его руки и попросила не отвлекаться от существа вопроса.

– Извини, – покладисто сказал Боря, – я не знал, что ты так болезненно реагируешь на упоминание о возрасте; так что там у нас на повестке дня?

– Причина смерти, голубь, – напомнила я, вертя протокол осмотра трупа, который уместился на одном листочке с оборотом.

– А причина смерти, милая моя, кровопотеря. На это указывает в первую очередь шоковая почка: кровенаполненность пирамидок и бледность коркового вещества. Кроме того, сердце – спавшиеся коронарные сосуды, мелкоточечные кровоизлияния в трабекулярных мышцах...

– Кровопотеря, значит? А ты можешь мне объяснить, каким образом он потерял столько крови? Кстати, сколько?

– Пять с половиной литров, это стандарт, – пробормотал Боря.

– Послушай, Боря. – Я подошла к труп и уткнулась носом в аккуратно приподнятый кожный лоскут с шеи. – Не хочешь ли ты мне сказать, что пять с половиной литров крови вытекли из этого субъекта через четыре маленькие дырочки на шее?

– Вообще-то проколота сонная артерия, – пробормотал Панов, раскладывая кожный лоскут с дырочками поровнее.

– Пусть даже так. А вот второй вопрос посложнее: куда они вытекли?

– Куда? – Боря попытался почесать затылок, но вовремя вспомнил про то, что у него еще перчатки на руках. – Почеши-ка мне репу, Маша, может, я быстрее сосредоточусь. А действительно, куда? – задумался он после того, как я выполнила его просьбу.

– Во-первых, в протоколе ни слова про лужи крови под трупом, – я помахала перед его носом этим лаконичным документом. – Во-вторых, на его одежде и теле никаких следов крови, кроме вот этих самых пятнышек. А кстати, как эти дырки получены?

– Вообще-то это колотые раны, – пробормотал Панов, вертя лоскут кожи так и сяк и любуясь им, как шедевром изящного искусства.

– Уже хорошо. Не укусы, значит?

– А черт его знает, – признался Панов, утирая вдруг вспотевший лоб. – Там четыре полулунных ранки, расположенных не по прямой линии, скорее по дуге. Они довольно глубокие, проникают в сонную артерию.

– Это могут быть зубы? – не отставала я.

– Зубы? Человеческие, имеешь ты в виду? Или зверя какого-нибудь?

– Не важно.

– Да. Но если только зубы полые.

– Это как?

– Знаешь, если высверлить заднюю стенку у зуба, получится такой инструмент полулунной формы.

– А зачем высверливать? – поежилась я, не представляя себе индивидуума, добровольно проделавшего над собой такую операцию.

– Ну, мало ли идиотов. Вот вернется Санька, спроси его, что говорит его опыт стоматолога.

– Санька вернется только через неделю, – отмахнулась я. – Лучше я у Щеглова спрошу.

– Бога ради. – Панов все вертел кожный лоскут. Видно было, что он уже заиклился на нем, и я спокойно отправилась к Юре выяснить насчет полых зубов.

Марина Маренич, по-женски более скрупулезная, чем Панов, но ни в коем случае не медлительная, еще пока не нуждалась в моем присутствии, хотя мне хотелось с ней поболтать на некоторые отвлеченные темы. Приближался заветный день моего бракосочетания с любимым мужчиной; вдумчиво гулять по магазинам мне было некогда, оставалась робкая надежда, что свадебный наряд – не белый, конечно, с фатой, а что-нибудь поскромнее мне сошьют в ателье, но, стоило мне сунуться в единственное наличествующее в районе моей работы ателье, чудом уцелевшее в окружении бутиков, там быстренько охладили мой пыл тем, что на пошив нарядного туалета им требуется не меньше двух месяцев. И предложили взять платье с кринолином напрокат. Но я отказалась. Добрые люди мне подсказали, что у Марины есть чудная портниха, которая в состоянии сварганить приличный туалет буквально за два дня, поэтому я расслабилась и решила, что времени у меня еще уйма, главное, не забыть за два дня до бракосочетания поговорить с Маринкой.

– Юра, – сказала я с порога, появившись в его кабинете, – ты видел когда-нибудь полые зубы?

Если я рассчитывала ошарашить его этим вопросом, то расчет себя не оправдал.

– Видел сегодня утром, – спокойно ответил Юра, правя экспертное заключение.

- Интересно, где? – заорала я, и Щеглов поморщился.
- Да не вони ты так. У твоего страшилища как раз такие полые зубы.
- Ты вообще понимаешь, о чем я говорю? – пританцовывала я вокруг него, а он исподлобья наблюдал за моими телодвижениями.
- Понимаю. У трупа, который я вскрыл по твоей просьбе, зубы имеют полость. По крайней мере, клыки.
- А почему ты мне ничего не сказал при вскрытии?
- О Господи, да я вообще не придавал этому значения. Вот ты завопила, я и вспомнил. Это же никак не связано с причиной смерти, согласись.
- А где этот труп? Еще в секционной?
- Нет, уже зашили и убрали в холодильник, а что?
- А нельзя его вытащить?
- Знаешь, Маша, – вздохнул Щеглов, – когда ты тут клубишься, я перестаю понимать, на что я сдался. Мне кажется, что это ты руководишь моргом, а я так, зашел случайно. Не была б ты членом семьи сотрудника бюро...
- Я схватила его за руку и потащила из-за стола.
- Юрочка, миленький, пойдем, посмотри на труп, который Панов вскрывает.
- Да зачем? – вяло сопротивлялся Юра, пока я волокла его по коридору, благо до первой секционной было не очень далеко.
- Посмотришь и скажешь, могли ли повреждения на трупе быть причинены полыми зубами вампируги.
- Маша, ты бы сказок на ночь поменьше читала, – посоветовал Щеглов, уже входя в секционную.
- Теперь за кожный лоскут с шеи схватился Юра, они с Пановым буквально выдирали его друг у друга и в конце концов приняли решение отсепаровать его, к чертовой бабушке, совсем и отправить медико-криминалистам на третий этаж.
- Ну что? – спросила я, не поняв, к какому выводу они пришли.
- Нет, Маша, в данном случае действовал более острый предмет, – покачал головой Юра. – Но в принципе похоже.
- А на повреждения на шее криминалиста похоже? Ты же их видел, Юра, а?
- Видел. Похоже. Но криминалист, слава тебе господи, пока не умер, и его шейку мы на исследование не пошлем. Когда ты успокоишься?
- Ладно, – я не желала успокаиваться, – а теперь скажите мне, столпы науки, каким образом эти люди теряют огромное количество крови, не имея на теле никаких серьезных ран? И куда эта кровь девается, раз ее нет на месте происшествия?
- Панов и заведующий моргом переглянулись.
- Напрашивается одно, – наконец вымолвил Юра. – Через эти ранки кровь можно только высосать.

* * *

С Мариной Маренич мне удалось поговорить обо всем кроме моего свадебного туалета. Вернее, не то чтобы «обо всем»; наша светская беседа вертелась, конечно, вокруг судебно-медицинских тем.

Повреждения на трупе девушки, который вскрывала Марина, были похожи и не похожи на те, что выявил Панов. По крайней мере дырочки на шее, когда с них смыли засохшие капельки крови, были абсолютно идентичными. Прибежал Боря с кожным лоскутом в руках, они пристраивали его к шее трупа девушки для сравнения и чуть не подрались в ходе высоко-

научной дискуссии о механизме причинения данных повреждений. Боря настаивал на том, что это следы зубов, а Марина доказывала, что проколы причинены инструментом.

– Ты что, не видишь, слепня клиническая, – орала она на Борю, – эти дырки один в один. Форма ран, размер один и тот же!

– А если это инструмент, – вопил в ответ Боря, – почему тогда расстояние между ранами не совпадает?

– Да потому, что это четыре укола одним и тем же инструментом, балда стоеросовая!

Они пихали друг другу в нос кожные лоскуты и сопровождали свои действия неперево-димой игрой слов, поскольку оба имели репутацию тонких лингвистов, виртуозно владеющих даром убеждения. Но так ни до чего и не договорились, порешили дождаться вердикта медико-криминалистов. А потом с чудовищным энтузиазмом – я только кричала на особо заковыри-стые речевые обороты, привести которые нет возможности из цензурных соображений, – при-нялись обсуждать судебно-медицинский диагноз. И вот тут-то полезли противоречия в кар-тине смерти двух объектов исследования, зато отмечалось небывалое единство мнений двух непримиримых авторитетов судебной медицины.

У девушки помимо повреждения мягких тканей теменно-затылочной области головы обнаружилось еще и повреждение черепа, а затем и внушительный ушиб головного мозга. И смерть, несомненно, наступила именно от этих повреждений. А я-то уже рассчитывала, что и тут имеет место острая кровопотеря...

– Ничего не понимаю. А как же колотые раны? Тоже ведь в сонную артерию? – обратила я растерянный взор к экспертам.

– Не переживай, Машенька. Из этого тельца тоже кровушки повыщедили, вон, сосуды пустые, – утешила меня Марина.

– Но смерть-то не от острой кровопотери?

– Нет, и я тебе больше скажу – кровь она потеряла посмертно. Литра полтора, уже после того, как ее по головушке приложили.

– Ничего не понимаю, – искренне призналась я и зашелестела страничками протокола осмотра трупа. Покойная девушка прибыла в морг после осмотра, сделанного следователем прокуратуры с участием судебно-медицинского эксперта, поэтому протокол, в отличие от предыдущего, написан был не на одном листе – аж на пяти. Из него явствовало, что найдено было тело несчастной в расселенном доме. Ну, понятно, обстановку расселенного дома в про-токоле надо описывать или на двадцати листах, или двумя словами. Девушка лежала на лестнице – разбитой, с провалившимися ступеньками – вниз головой. Если она падала сверху и удари-лась затылком, то, скорее всего, так и осталась бы лежать лицом вверх; но лежала ничком. И ее мешковатая одежда была запачкана серой пылью только спереди. И эти колотые раны на шее – откуда они?

– Я тебе объясню, откуда они, – решил наконец Боря Панов. – На них обоих напал вампир и выпил кровь.

– А по голове зачем?... – уточнила я.

– Я ж тебе сказал – наркоз. Ты попробуй выпей кровь у живого человека, который еще и сопротивляется. Это только в кино возможно, – подхватив Марину под талию, он запрокинул ее, как партнер в танго, и сделал вид, что сейчас укусит за шею; Маренич закатила глаза и изобразила сладкий обморок. – А в реальной жизни вампир свою жертву по чайнику тресь, жертва с катушек долой, вампир кровь выпивает и был таков. У-у! – Для пушей убедительности он теперь навис надо мной, пугая скрюченными пальцами.

Марина, приняв вертикальное положение, согласно кивала головой. Я вспыхнула.

– Ты понимаешь, что ты несешь? «Вампир», «в реальной жизни»... Какие еще вампиры в реальной жизни, а?

– На тебя не угодишь, – обиделся Боря и, похоже, собрался повоспитывать меня на тему моей неблагодарности, но меня позвали к телефону.

Сдрейфив почему-то, что шеф передумал и требует обвинительное заключение сегодня, я на дрожащих ногах потащила в кабинет заведующего, где улыбающийся Юра и сунул мне телефонную трубку со словами:

– Суженый звонит.

– Сашка? – Я прижала трубку к уху.

– Если невесты нет ни дома, ни в прокуратуре, значит, она где? В морге, – раздался жизнерадостный голос моего любимого мужчины. – Ну что, вышла на тропу войны с потусторонними силами?

– Приезжай скорей, Сашуля, хоть помоги мне, а то все эти некомпетентные докторишки в простейших случаях разобраться не могут, – говоря это, я кинула вредный взгляд на Щеглова; он вздохнул и отгородился от меня бланком экспертизы.

– Приеду, конечно, весь из себя усовершенствованный, такому и жениться не грех, – заверил меня Стеценко. – А у вас что там, правда, вампиры?

– Вампиры и их жертвы, – подтвердила я. – Ужасное страшилище, весь в язвах, и обескровленные трупы.

– Приеду разберусь, – пообещал Сашка. – Говоришь, весь в язвах? Радиоактивное поражение исключили?

– Костный мозг в норме, – отрапортовала я, как студентка-отличница; такое в моей практике уже было, и я усвоила признаки радиоактивного поражения.

– А системное заболевание?

– Системное? А что это такое?

Щеглов закатил глаза по поводу моего невежества, отобрал у меня трубку и отчитался перед доктором Стеценко сам:

– Как ты можешь жениться на женщине, которая понятия не имеет, что системное заболевание затрагивает иммунную систему? Вам просто не о чем будет поговорить в постели. Нет, Саня, на ВИЧ не похоже; я было подумал про сочетанное действие токсичного вещества... Ну хотя бы компонент ракетного топлива, но потом отбросил. А это никак не проявляется.

– Ну все, отчитался? Можно теперь мне с женихом поговорить? – я завладела трубкой и продолжила. – Ты бы видел этого выходца из преисподней!

– Я так понял, что там у вас полный набор? И выходец из преисподней, и обескровленные трупы?

– Да-а, а у этого выходца клыки в ультрафиолете светятся! – пожаловалась я.

– Он-то хоть не обескровлен?

– Вроде нет.

– Последнее дело – ставить судебно-медицинские диагнозы по телефону, но вы бы взяли у него из крупных сосудов жидкую кровь и сделали бы хороший клинический анализ – ну там формула крови, морфология эритроцитов; скажи Юре, он сделает. Ты платье себе сшила?

– Нет еще, мне некогда, – застыдилась я.

– Поговори с Маринкой, у нее портниха есть.

– Точно, я как раз собиралась, но мы заспорили про механизм образования колотых ран.

– Это святое, – я прямо увидела, как мой любимый усмехается. – Как Хрюндик? Я звонил, он жаловался, что ты его притесняешь.

– На него где сядешь, там и слезешь, – пробормотала я.

– Приеду, займусь им, – пообещал Сашка. – Между прочим, он мне успел поведать, что Лермонтов был декабристом и женился на Анне Карениной. Ты бы его просветила немножко, а?

– Да, у него удивительная каша в голове, – согласилась я. И хотя Сашка, конечно, не ставил целью меня пристыдить, я почувствовала, как заливаюсь краской.

Закончив разговор и положив трубку, я отчетливо поняла, что на сегодня морга с меня хватит. Домой, к ребенку. И уехала, забыв поговорить с Мариной про портниху.

Домой я добралась часам к пяти. Ребенка еще не было, насколько я помню, у него сегодня восемь уроков. Я заглянула в его комнату и привычно содрогнулась, не понимая, как можно жить в такой помойной яме.

У телефона лежала записка: «Ма, тебе звонили из Англии, приглашали потусоваться. Сказали, что можно со мной, будут звонить еще. Утром Саша звонил, я сказал, что ты не ночевала». Добрый мальчик, подумала я; это он так прикалывается над родительницей. Приглашать потусоваться могли только мои старые знакомцы из Скотленд-Ярда, с которыми я встретила пару лет назад на семинаре в Колчестере.

До прихода сына я успела сварить макароны, имея в виду присланный нам из Италии настоящий соус песто из томатов и базилика. Соус прислал мой старый кореш, итальянский полицейский Пьетро Ди Кара, когда-то преданно за мной ухаживавший, а теперь ограничивающийся продуктовыми посылками, а по важным датам – еще и открытками с видами упущенной мной выгоды: белоснежных пляжей Сицилии и разноцветных итальянских базаров.

Как только я начала тереть сыр, затрезвонила междугородка. Сняв трубку, я услышала размеренный глуховатый баритон Йена Уоткина:

– Рад, что застал вас, Мария. Мы хотели бы пригласить вас на небольшую конференцию в Лондон, а потом будет культурная программа по вашему выбору. Вчера я имел честь познакомиться с вашим сыном, он блестяще говорит по-английски.

Я зарделась от удовольствия, лихорадочно соображая, в чем дело – в подлинно британской галантности Йена, который искренне хочет сделать мне приятное и выдает желаемое за действительное, или в каких-то потаенных талантах моего сыночка, который скрыл от меня блестящее владение английским языком. (Впрочем, скрыл не только от меня, но и от учительницы английского, поскольку последней виденной мной оценкой была тройка.)

– Йен, спасибо, очень хочу вас повидать, а когда?

– Конференция восемнадцатого, согласие от вас нужно получить не позднее завтрашнего дня.

– А условия? – ребенок упоминал, что приглашали и его, поэтому мой ответ зависел от суммы, в которую обойдется его поездка.

– Вы, Мария, будете на полном обеспечении, а сыну оплатите дорогу. Проживание и питание – за счет принимающей стороны для вас обоих.

Йен принялся рассказывать, что конференция по вопросам борьбы с организованной преступностью пройдет в Лондоне, в отеле «Ройял Ланкастер» с видом на Гайд-парк, а потом участникам конференции предлагается культурная программа с посещением достопримечательностей старой Англии, в основном – университетских центров. Я могу высказать свои пожелания, небольшие отклонения от основной программы предусмотрены.

Согласие я выразила сразу. Черт с ним, влезу в долги, но такая возможность показать ребенку Англию вряд ли еще представится. Что касается меня, то после ооновской учебы в Эссекском университете приглашения сыплются на меня, как золотой дождь; я уже поняла, что тут главное – попасть в обойму, в конце концов, на таких мероприятиях мелькают одни и те же лица.

Правда, учитывая некоторую стесненность в средствах (ха-ха, мягко говоря), я вынуждена отказываться от заманчивых приглашений, но прямо говорить об этом зарубежным коллегам стесняюсь и валю обычно на безумную загруженность работой. Один раз мне прислали приглашение на международный семинар по соблюдению прав человека в сфере уголовной юстиции, который должен был проходить в Швейцарских Альпах. В проспекте красочно опи-

сывались пятизвездочный отель на берегу хрустального озера, экскурсии к швейцарским водопадам, и только в конце мелким шрифтом ненавязчиво упоминалась необходимость внести в фонд семинара по тысяче долларов от каждого участника. Я даже не стала отвечать на это приглашение, бросила его где-то. По слухам, оно долго болталось по различным юридическим структурам, и, по-моему, туда не поехали даже адвокаты.

Что касается Англии, основная проблема заключалась в том, чтобы успеть на собственную регистрацию брака. И еще одна проблема, но о ней я вспомнила не сразу, – покупка новых сапог. Мои, испачканные мазутом, не для Европы. И, кстати, хорошо, что я не успела договориться с Мариной насчет портнихи; там, в Лондоне, и приборахлюсь. Не в «Хэрродсе», конечно, есть в английской столице магазины и подешевле...

Йен с невероятной быстротой произвел подсчет необходимой мне суммы, назвав ее и в долларах, и в фунтах, и я, как всегда, испытала жгучую зависть к коллегам из зарубежных правоохранительных органов – у них такая сумма не вызывает печеночных коликов.

Горчаков недавно, накопив бешеные деньги – пятнадцать тысяч рублей, компенсировавшие ему какие-то недоданные прокуратурой за восемь лет плащи и шапки, заявил, что хочет отдохнуть, как белый человек, и поэтому собирается потратить все нажитое непосильным прокуратурским трудом на поездку за границу. Я-то, уже наученная горьким опытом, недоверчиво хмыкнула, прекрасно отдавая себе отчет, что даже на всем готовом ты неизбежно потратишь за границей энную сумму, но Лешка, отвергнув советы бывалых, гордо отправился в ближайшую турфирму и довольно быстро вернулся оттуда как побитая собака, выяснив, что его авуаров в лучшем случае хватит на трехдневный круиз Швеция – Финляндия, и то если не покупать сигарет на пароме.

Мечта об отдыхе, достойном белого человека, развеялась как дым. Лешке опять предстояло сгребание снега на дачном участке Ленкиных родителей, поэтому единственным, кто выиграл в этой ситуации, оказался наш районный прокурор: как только впереди замаячат сельхозработы, Горчаков сразу оказывается по макушку загружен уголовными делами и вынужден даже в выходные просиживать за бумажками у себя в кабинете. А если еще учесть, что в выходные прокуратура закрыта для посетителей и просто так с улицы в нее не попасть, Горчаков, в полной безопасности от бдительной жены, строчит обвинительные заключения, попутно объедаясь деликатесами из рук нашей секретарши Зои.

Конечно, там не обходится и без других деликатесов, но, учитывая, что Горчаков является примерным семьянином, – пуркуа бы ему и не па составить счастье сразу двух достойных женщин? Как оно принято на Востоке: до четырех жен можно иметь, если только ты в состоянии прокормить, одеть и удовлетворить каждую следующую жену, не говоря уже о ее многочисленных родственниках. В нашей Азиопе, правда, женщины в состоянии сами себя одеть и прокормить, так что речь идет только об «удовлетворить», но, видимо, в этом и состоит суть прогресса. Правда, размышляя о тернистом половом пути коллеги Горчакова, я всегда прихожу к выводу, что ему, конечно, надо поклониться в пояс, но я бы лично не хотела оказаться на месте ни одной из его женщин.

Как-то на дежурстве я наткнулась на забытый предшественниками глянцевого журнал и зачиталась: редакция прикалывалась тем, что предлагала уважаемым людям что-нибудь рекламировать, и публиковала отчет о реакции уважаемых людей. На фоне базаров о цене услуг выделилась известная писательница, автор детективов про сотрудницу уголовного розыска; она отказалась рекламировать детективное агентство, объяснив, что ничего не имеет против съемок в рекламе, но только если это касается других. Вот так и я ничего не имею против любвеобильного мужского сердца, только если это касается не меня.

Как-то я даже высказала Горчакову собственное мнение, не особо заботясь о его чувствах, и он, негодяй, стал меня упрекать в необъективности и тыкать мне в нос мои собственные адюльтеры. Толстокожий чурбан так и не врубился, что мои адюльтеры имели место не

от хорошей жизни, и с мужем я развелась как раз из-за того, что неспособна, как Горчаков, одинаковые чувства испытывать и к законному супругу, и к любовнику. Ну да ладно...

Последний вопрос Иен задал мне по поводу культурной программы, и я неожиданно для себя заявила, что меня интересует все, что касается вампиров.

Услышав такое, Уоткинс озадаченно замолчал, видимо, соображая, правильно ли он меня понял, но я обозначила ему по буквам предмет моего интереса, и он, как истинный британец, невозмутимо заметил, что вполне возможно разработать программу с учетом моих запросов. Более того, он добавил, что может походатайствовать о допуске меня к материалам дела Джона Хейга, известного под именем Лондонского вампира, который после войны убивал в Лондоне женщин и пил их кровь. Любезность моего британского приятеля не имела границ, он, конечно, понял, что мой интерес вызван служебной необходимостью, и был рад оказаться полезным.

Мы тепло распрощались, и я тут же задумалась, откуда взять деньги. Занять у Лешки так и не потраченные им пятнадцать тысяч? Ну ладно, это пятьсот долларов; Гошкин билет на самолет будет стоить около четырехсот, в Англии мне надо, во-первых, побаловать ребенка – сводить его в музеи, рестораны и магазины, а во-вторых, купить себе свадебный туалет. В сотню не уложиться; ладно, перехвачу у кого-нибудь по чуть-чуть...

Как раз в этот счастливый момент с легким привкусом финансовой горчинки явился домой мой малолетний разгильдяй. Глядя на него и тихо зверея от его грязнущих кроссовок, широких рэперских штанов, болтающихся на краю попы, и старательно поставленной новомодными пенками челки, я почувствовала, что желание чем-нибудь побаловать этого типа тает на глазах.

Свиненьш пока не понял моего настроения и доверчиво подсунул ведомость с отметками за неделю, предлагая расписаться в том, что я вырастила тупоумного ленивца, не способного к наукам и отличающегося бандитским поведением. Скрипя зубами, я расписалась и, сама сатанея от гнуснейшего звука своего голоса, начала воспитательный процесс.

Процесс закончился швырянием на пол посуды, ревом и взглядами, обжигающими ненавистью. Причем исключительно с моей стороны. Со стороны оппонента наблюдалось полнейшее безразличие как к собственной судьбе кандидата в отбросы общества, так и к судьбе несчастной матери, хватающейся за сердце в отчаянии от своего педагогического бессилия.

Оппонент мрачно удалился в свое захламленное логово и врубил на всю мощность какую-то омерзительную какофонию, естественно, желая поглумиться над несчастной матерью еще больше. Я тут же приняла решение не брать его ни в какую Англию, но, заглянув в берлогу, чтобы злорадно сообщить ему об этом, с удивлением увидела, что он и не думает глумиться, а, забившись в уголок дивана, глотает слезы. Тут же мое материнское сердце растаяло; я готова уже была кинуть к его ногам весь мир, удержал меня от этого локальный скандальчик – мне хотелось прижать ребенка к своей груди, а ребенок резко отрицательно относился к объятиям.

В общем, я не удержалась, и тут же растрепала ребенка в подробностях про грядущую поездку. И хорошо, потому что сразу решился финансовый вопрос. Ребенок признался, что папа обещал ему на Новый год «Плейстейшн-2» за пятьсот долларов. Выбив из меня обещание, что к Новому году я раздобуду либо деньги, либо «Плейстейшн», он обязался уговорить папу подарить ему пятьсот долларов прямо сейчас, на поездку в Англию.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы позвонили Игорю, с которым у меня в последнее время вроде бы стали налаживаться отношения. Во всяком случае, он уже не бросал трубку, заслышав по телефону мой голос, снисходил до того, чтобы поинтересоваться у меня успехами сына, и как-то в порыве благородства оставил номер своего мобильного телефона.

Может, к потеплению климата привело то, что Игорь ушел из милиции, устроился в какую-то охранную фирму, завел даму сердца, у которой вроде бы и проживает, и, главное, стал неплохо зарабатывать.

Когда ребенок, волнуясь, изложил папе по телефону проблему, папа тут же заявил, что для родного дитятки ему ничего не жаль, не надо покушаться на новогодний подарок, уж такие деньги он заработает, и с ходу предложил оплатить ребенку поездку и еще спонсировать умеренный ребенкин шопинг.

Таким образом, мне осталось раздобыть денег на собственный умеренный шопинг и, прикинув, что платье, купленное в Лондоне, может обойтись мне даже дешевле, чем сшитое у местной портнихи за два дня, я и вовсе успокоилась. Жизнь потихоньку становилась прекрасной.

Так что вечер прошел относительно спокойно, если не считать еще одной небольшой перебранки, случившейся после того, как я своими ушами услышала от ребенка, что он искренне полагает Лермонтова декабристом, а Анну Каренину – его женой. Я раздраженно достала с книжной полки томик Лермонтова, открыла и сунула ребенку в нос страницу с датами жизни и смерти поэта и, указав на год рождения – 1814, спросила, в каком году, по его мнению, было восстание декабристов. Услышав безмятежный ответ, что в «тысяча девятьсот семнадцатом», я тихо застонала и стала втолковывать сыну, что это было гораздо раньше, в 1825 году.

– А теперь подумай своими куриными мозгами, сколько лет было Лермонтову в 1825 году и мог ли он принять участие в восстании декабристов?

Сын продемонстрировал незаурядные математические способности, с легкостью подсчитав, что великому поэту было всего одиннадцать лет, и задумчиво спросил:

– А кто же тогда из декабристов женился на Анне Карениной?

К счастью, позвонила подружка Регина, отвлекшая меня от тягот воспитания. Я, конечно, не удержалась, пофыркала по поводу тотального невежества, но Регина меня успокоила:

– Ты что думаешь, он один такой? Да тебе еще повезло, что у тебя сын не нюхает, не колетя, в стельку не напивается! Хоть дома ночует! Ты на моих посмотри: нога – сорок пятый, мозги – нулевой!

Далее Регина в терапевтических целях порассказывала ужасы про своих детей, по ее выражению, «тупых, как олени».

– И твой, и мои выросли в доме, где книги используют не только в качестве подставки под кастрюли! – Регина, как всегда, употребила слишком энергичное выражение: мне доподлинно было известно, что за библиотеку ее отца в свое время давали двести тысяч долларов, и не менее доподлинно известно, что в ее доме библиотека служила не только украшением интерьера. – А сколько твой за свои годики книжек прочитал? Не считая «Курочки Рябы»? Вот именно, и мои не больше. Музеи – отстой, театры – древность...

В общем, как только я осознала, что в своих проблемах не одинока, мне существенно полегчало. Мы с Региной еще посплетничали по поводу предстоящего бракосочетания; фокус был в том, что все вокруг были осведомлены о самом факте, но время и место держались нами в тайне из принципа. У нас с Сашкой были грандиозные планы: после регистрации – Мариинский театр, после театра – ужин в ресторане на две персоны, после ужина – самолет в Париж, ради чего мой жених с момента подачи заявления в ЗАГС вкалывал как негр на плантациях, личным примером иллюстрируя старую загадку: почему врачи работают на полторы ставки, а не на две и не на одну? Потому что на одну есть нечего, а на две – некогда.

Вернее, самолет в Париж улетал на следующий день утром, но очень ранним утром, поэтому ужин от самолета должна была отделять только короткая брачная ночь. Таким образом, времени для дружеской тусовки не оставалось, по причине чего тусовка пребывала в негодности и регулярно грозилась с момента возвращения Стеценко с курсов повышения квалификации залечь в засаде возле всех районных ЗАГСов... Но мы держались как могли.

Разговор с Региной затянулся; положив трубку, я попыталась доказать ребенку, что время уже не детское, спать пора. Ребенок сидел у себя надувшись, поскольку из-за меня ему не

смогли дозвониться девочки. И точно, через три минуты телефон зазвонил снова, Гошка схватил трубку и плотно прикрыл за собой дверь своей комнаты, перед этим успев сказать мне:

– Хорошо, когда ты на работе, – и телефон свободен, и мы с тобой не ссоримся.

Я осталась стоять перед закрытой дверью, переваривая тот факт, что наши отношения с сыном вступили в новую фазу. Я уже не являюсь для него авторитетом (да, похоже, никогда особо не являлась); он воспринимает меня как досадное приложение к его подростковым проблемам, и более того, ему лучше без меня, чем со мной. Отчетливо сознавая, что я не смогу всю жизнь водить его за ручку, я тем не менее испытала сложные эмоции от того, что у нас с ним развивается типичный синдром отношений матери и взрослеющего сына – «вместе тесно, а врозь скучно», при этом вторая часть относится только ко мне. Ужас; скорее бы приехал Сашка. Он единственный умудряется каким-то образом общаться с моим сложным отпрыском, не раздражая его и не раздражаясь сам. Открылась дверь, и выглянул мой сын с плутоватым выражением хитрых глаз.

– Ма, – сказал он. – А ты завтра во сколько придешь?

– Не знаю, а что?

– Мы хотели с ребятами потусоваться немножко; хорошо бы до утра...

– С какими ребятами? – беспомощно спросила я.

– Ну, из школы.

– Что значит – до утра? – стала я надувать щеки. – А в школу?

– Прямо отсюда и пойдем в школу.

– Нет, Гоша, об этом не может быть и речи.

– Ну почему? – заканючил он.

– Потому что я не понимаю, что это за тусовки с ночевкой в вашем возрасте. А во-вторых, – я тут же отметила, как мой голос предательски звенит, но уже ничего с этим поделать не могла, – куда ты собираешься меня деть?

– Ну, а куда ты делась вчера?

– Вообще-то я была на месте происшествия, – ответила я.

– Вот и сегодня туда съезди, – посоветовал любящий сын.

– Гоша, – невероятным усилием воли я заставила себя говорить тихо и проникновенно, – а тебе меня не жалко? Я работала больше суток, устала как собака, а ты мне и завтра предлагаешь отправиться на место происшествия? Тебе не жалко меня?

– Не-а, – ответил черствый подросток и захлопнул перед моим носом дверь, видимо, убедившись, что я никуда не отвалю, не дам им потусоваться и, стало быть, не стоит рассыпать передо мной перлы своего красноречия.

Вот и поговорили, подумала я. Все померкло, мне стало казаться, что ничего хорошего в жизни меня не ждет, сын для меня потерян, ему сомнительные тусовки с приятелями дороже родной матери и т. д. и т. п.

Если бы Сашка по телефону не прорвался через бесконечное воркование сына с многочисленными дамами сердца и не пролил некоторое количество бальзама на мои душевные раны, мне плохо пришлось бы в эту ночь. Сыночек, схвативший трубку в надежде, что это его домогаются девушки, с недовольной рожей вынес мне телефон и снова заперся в своей помойной яме.

– Любимая, – ласково и убедительно говорил мне Стеценко, – у тебя нормальный ребенок. Умный и добрый.

– Да-а, – хныкала я, – добрый; родную мамочку готов из дома выпереть ради своих тусовщиков...

– Учти, что у него переходный возраст; вспомни себя в это время, – взывал к моему рассудку Сашка.

– Вспоминаю: ужасно. Самое интересное, что я сама понимала, какая я мерзкая. Но ничего не могла с собой поделать, мерзости из меня выскакивали помимо моей воли.

– Ну вот видишь. А чего ты от него хочешь? Чтобы он был умнее собственной мамочки? Такого не бывает.

– Ну да, не бывает... – я нудила и нудила и чуть не забыла сообщить Сашке, что в понедельник улетаю со своим малолетним негодяем в Англию и прилечу как раз к его приезду.

– Рад за тебя. Надеюсь, туда не заявится Ди Кара и не свистнет тебя из-под моего носа за неделю до свадьбы?

Я вслушалась в то, как Сашка это говорит, – действительно ревнует меня или просто шутит? Вообще-то к Пьетро он относится весьма душевно, они чуть не побратались у меня на глазах, но лучше не раздражать его перед ответственным жизненным шагом.

– Пьетро там не будет, – твердо ответила я. – И вообще, я еду с ребенком, он не позволит мне развратничать.

– Ты со своими вампирами-то за неделю управишься? – спросил Сашка, и я подумала, что мне еще нужно добиться объединения в моем производстве всех этих дел.

Мы наскоро обсудили вампирские дела, и разговор сам собой вернулся к проблемам подрастающего поколения. Напоследок Сашка, стараясь развеселить меня во что бы то ни стало, напомнил мне про нашего общего знакомого, бывшего следователя прокуратуры, вовремя удравшего в мировые судьи, который теперь, рассматривая алиментные дела, веселит публику в зале сентенциями типа: «Ответчик, помните – от того, как вы сейчас относитесь к своим детям, зависит, в каком доме престарелых вы проведете свою старость»...

Распрощавшись с женихом, я пошла на кухню и выглянула в окно. Подворотня зияла черной дырой, расселенный флигель соседнего дома смотрелся средневековыми руинами, и никакая сила не заставила бы меня сегодня выйти из дома. Но я знала, что завтра с утра все покажется другим, не таким зловещим. Оставалось лечь спать; я легла, но сон не шел, я все время прокручивала в уме события минувших суток, и на фоне тяжелых мыслей о собственных упущениях в воспитании сына мое профессиональное эго пыталось сложить воедино фрагменты головоломки с чудовищем, у которого в желудке кровь, и с обескровленными трупами. И с таинственным «санитаром», который слишком много знает про вампиров и с которым, судя по всему, небезопасно уединяться в морге.

Эвакуировать ребенка я никуда не стала, здраво рассудив, что ни один район в городе не может считаться безопасным. Утром, когда я выпихивала его в школу, он еще дулся, но по утрам, совушка моя, он всегда бывает дик и неразговорчив.

Выпроводив Гошку, я заполучила полчаса свободного времени и побрела к зеркалу. Мучившая меня с самого пробуждения головная боль моментально усилилась, как только я увидела свое отражение. Читая на дежурствах расплывшиеся женские журналы, я всегда искренне недоумеваю, как можно, видя такое в зеркале, по журнальным советам без зазрения совести внушать себе: «Ах, какая я красавица, я лучше всех, мужчины сложатся штабелями при виде меня», если, конечно, ты не профессиональная аферистка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.